

18+

M O D E R N

L O V E

В И К И Л А Н Д

ОТНОШЕНИЯ ПОД ЗАПРЕТОМ

«Роман на работе – табу?
Если вам это доставляет удовольствие,
подарите себе indulgenцию».

COSMOPOLITAN (US)

Modern Love

Ви Киланд

Отношения под запретом

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Киланд В.

Отношения под запретом / В. Киланд — «Эксмо»,
2020 — (Modern Love)

ISBN 978-5-04-157446-8

Роман от мастера пикантной романтической прозы Ви Киланд. Миллионы читателей, романтика, психологизм, любовь, горячий секс, отличные герои. Серия, которую выбирают поклонники жанра. «Роман на работе — табу? Если вам это доставляет удовольствие, даруйте себе индульгенцию». — Cosmopolitan (US) Айрленд хотят уволить из компании, которой она посвятила целых девять лет. Повод — ее пляжное видео, размещенное в ЗАКРЫТОМ аккаунте и непонятно как дошедшее до босса. Перед тем как забрать свои вещи, Айрленд заходит в кафе рядом с работой, где знакомится с приятным молодым человеком. Он говорит ей, что такое увольнение неправомерно и Айрленд стоит подать жалобу. Так она и поступает. А потом узнает, что ее новый знакомый — директор компании. Вот это поворот. Спасибо за помощь, конечно, но... в какие игры он играет?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-157446-8

© Киланд В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Айрленд	6
Грант	10
Айрленд	14
Грант	20
Айрленд	28
Грант	31
Грант – 15 лет назад	36
Айрленд	39
Грант	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ви Киланд

Отношения под запретом

Vi Keeland
Inappropriate

© 2020. INAPPROPRIATE by Vi Keeland

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Нет дождя – нет цветов

Айрленд

Го-осподи, как мне худо...

Я оторвала голову от подушки и вздрогнула. Вот отчего я редко напиваюсь: оглушительное похмелье и подъем в полчетвертого утра плохо уживаются. Содрогнувшись от противного жужжания, я шарила ладонью по тумбочке, пока не нащупала мобильный и не выключила сигнал.

Через десять минут будильник снова зазвонил. Я со стоном сползла с кровати и направилась в кухню за остро необходимыми кофе и мотрином. Наверняка к глазам придется прикладывать лед, надо же на экране выглядеть хоть вполтину презентабельно...

Я наливала в кружку дымящийся кофе, когда меня буквально встряхнуло изнутри от вспомнившегося повода вчерашней пьянки и сегодняшнего похмелья. Как я могла забыть?

Письмо.

Чертово письмо!

– Ай! Черт! – Горячий кофе перелился через край и обжег мне руку. – Блин, уй-я!

Сунув руку под холодную воду, я зажмурилась. Что же я натворила? Мне захотелось броситься в постель, накрыться одеялом и все забыть.

Но вчерашний день ворвался в память с ревом, как цунами. Через час после того, как я вкатила чемодан в квартиру, с сожалением вернувшись после недели в раю, в мессенджер мне упало письмо.

Уволена.

Затем я увидела и официальное бумажное уведомление.

Накануне возвращения из отпуска.

Мне стало дурно. С четырнадцати лет я впервые осталась без работы. Причем этот единственный отпуск случился не по моему желанию!

Я закрыла кран и опустила голову, вспоминая точную формулировку треклятого письма.

«Уважаемая мисс Сент-Джеймс!

Вынуждены сообщить, что Ваше сотрудничество с «Лексингтон индастриз» прекращено с сегодняшнего дня.

Причины, повлекшие за собой увольнение:

– нарушение политики компании в п. 3.4 «Совершение действий, представляющих собой посягательство сексуального характера или непристойное обнажение»;

– нарушение политики компании в п. 3.6 «Использование интернета и/или иных средств коммуникации с целью участия в непристойных действиях сексуального характера»;

– нарушение политики компании в п. 3.7 «Проявление иных форм аморального или предосудительного поведения».

Выходное пособие будет удержано, так как увольнение наступило в связи с нарушением условий рабочего контракта. В течение тридцати дней Вы будете уведомлены в письменном виде о статусе причитающихся вам выплат. Ваша страховка действительна на период, прописанный в трудовом законодательстве штата Нью-Йорк.

Отдел кадров согласует окончательные расчеты и вместе с Вашим непосредственным начальником соберет Ваши личные вещи.

Мы сожалеем о необходимости вышеизложенных мер и желаем Вам всяческих удач в дальнейших начинаниях.

С уважением,

Джоан Мэри Беннетт,

начальник отдела кадров».

Кроме письма, в толстом конверте лежала флешка с тридцатисекундным видео, которое одна из моих подруг сделала на пляже.

В горле саднило (по причинам, никак не связанным с алкогольным отравлением, которое я устроила себе накануне).

Моя работа! Последние девять лет работа была моей жизнью, а от какого-то дурацкого смазанного видео все, над чем я квадратила задницу, развеялось как дым.

Пуфф! Прощай, карьера!

– Господи! – застонала я. – Что мне теперь делать-то, черт побери?

Стоять столбом было контрпродуктивно, поэтому я с раскалывающейся головой поплелась в спальню и рухнула на кровать. Я натянула одеяло на уши, надеясь, что мрак поглотит меня заживо.

Мне удалось снова заснуть. Проснувшись через несколько часов, я почувствовала себя немного лучше. Правда, облегчение длилось недолго – до меня начало доходить, что с утра вспомнила не все ночные события.

* * *

Моя соседка по квартире и лучшая подруга Миа, сама еле передвигавшаяся с похмелья, подогрела мою чашку в микроволновке.

– Как спалось? – спросила она.

Поставив локти на кухонный стол, я удерживала голову руками. Приподняв ее, я посмотрела на подругу, приоткрыв один глаз.

– А ты как думаешь?

Миа вздохнула.

– Ну не могу я смириться, что тебя уволили. А как же ваш контракт? Разве законно увольнять за то, чем человек занимался в свое свободное время?

Я отпила кофе.

– Не поверишь, да. Я только что говорила со Скоттом.

Проглотив гордость, я позвонила своему бывшему. Он, конечно, подлец, и общаться с ним мне совершенно не хотелось, но он единственный юрист среди моих знакомых. К сожалению, Скотт подтвердил, что мой работодатель имел полное право на такие санкции.

– Мне ужасно жаль. Я понятия не имела, что отдых на пляже грозит такими последствиями. Это я виновата, зачем я только предложила загорать топлес!

– При чем тут ты...

– О чем только думала эта дура Оливия, выкладывая видос в «Инстаграм» с нашими тэгами?

– Я грешу на лишнюю «Пина коладу» с ромом, которые нам приносил красавец официант; последняя явно была для Оливии лишней. Но вот чего я не понимаю, так это как у меня на работе об этом пронюхали! Она же поставила тэг к моему личному аккаунту – Айрленд Сент-Джеймс, а не к паблик-аккаунту Айрленд Ричардсон, который для меня завели на телеканале... и уже закрыли, наверное. Где они могли посмотреть видос? Я проверила утром настройки – может, думаю, сбились ненароком, – нет, все как было.

– Не знаю. Может, кто-то с твоей работы подписан на одну из нас в личке?

Я покачала головой.

– Разве что так.

– А этот засранец хоть ответил на твой имейл?

– Какой имейл? – я нахмурилась.

– Ты не помнишь?

– Нет.

– Ты же написала генеральному директору вашей компании!

У меня отвисла челюсть. Ох, бли-и-ин... Ситуация улучшалась ну прямо на глазах.

* * *

А у «самого дна» точно имеется подвал.

Уволили.

Без выходного пособия.

И всего через неделю после того, как я выплатила второй, самый солидный платеж, прописанный в контракте на строительство дома.

Вероятность получить хорошие рекомендации от последнего работодателя? Кукиш с маслом после того, как я в пьяной вспышке ярости высказала человеку, засевшему в своей башне из слоновой кости, что я думаю о нем и его компании.

Расчудесно.

Просто лучше некуда.

Браво, Айрленд!

После того как я ухнула основную часть моих сбережений на первый взнос за земельный участок в Агура-Хиллз и, как богатенький Буратино, заплатила за весь алкоголь, который мы выдули за неделю девичника на Карибах, у меня на все про все осталось не больше тысячи долларов. Миа выходит замуж и вскоре съедет, забрав с собой свою половину ежемесячной ренты.

Не волнуйся, Айрленд, ты найдешь другую работу... когда ад замерзнет.

Медиаиндустрия столь же снисходительна, как мой банковский счет после дня в торговом центре.

Я в заднице.

В полной.

Мне придется вернуться к независимым контрактам, снова писать статьи для журналов по центу за слово, чтобы свести концы с концами, а ведь этот этап моей жизни должен был остаться позади! Почти десять лет я в лепешку расшибалась, работая по шестьдесят часов в неделю, чтобы стать тем, кто я сейчас. Я не могу уйти, поджав хвост. Я не сдамся без боя.

Нужно попытаться выбить из «Лексингтон» рекомендацию, которая не была бы разносом в резких выражениях, поэтому я глубоко вздохнула, подтянула метафорические штанишки и открыла ноутбук почитать, что там я написала президенту «Лексингтон индастриз», потому что помнилось это смутно. Может, все не так плохо? Я открыла папку «Отправленные» и кликнула по своему письму.

«Уважаемый *Ким Чен Ир* Лексингтон!»

Я даже зажмурилась. Ну вот вам и привет последней надежде. Но вдруг генеральный не просек намека и принял мой сарказм за опечатку?

Затаив дыхание, я нехотя вернулась к чтению.

«Хочу официально извиниться за мою маленькую опрометчивость».

Так, начало неплохое.

Ох, если бы на том мне и перестать читать!..

«Видите ли, я не знала, что работаю на диктатора...»

Уй-й-й... Я такая дура, когда напьюсь...

Прерывисто выдохнув, я кинулась как в омут головой, забегав глазами по строчкам:

«...и находилась под впечатлением, что в свое свободное время имею право жить, как мне нравится. В отличие от Вас, родившегося с серебряной ложкой в заднице, я работаю в поте лица и заслуживаю иногда возможности выпустить пар, и если это включает малость подру-

мянить на солнышке мои сисяндры в чисто женской компании, я так и делаю. Я не нарушала никаких законов – все происходило на нудистском пляже, где я могла раздеться догола, но ограничилась загоранием топлес. Потому что давайте взглянем в лицо истине: бюст у меня что надо. Если Вы посмотрели «оскорбляющий нравы» видос, который Ваша ханжа эйчарка не поведя бровью отправила мне вместе с бредовым письмом об увольнении, Вы радоваться должны, что хоть одним глазом взглянули на мои прелести! Можете даже запомнить, будет на что мастурбировать, извращенец Вы этакий.

Девять с лишним лет я корпела в Вашей вонючей компании. Отправляйтесь же в задницу вместе с «Лексингтон индастриз»!

И утритеесь на этом.

Айрленд Сент-Джеймс».

Да-а-а, чтобы такое загладить, предстояло приложить поистине каторжные усилия, но я решила не терять надежды. Может, *эль президенте* еще не читал мой первый имейл, и новую попытку я могу начать с просьбы стереть первое письмо, не открывая?

Ради даже малейшего шанса найти работу в родной индустрии мне нельзя уходить с плохой рекомендацией. Раз уж они сунули нос в мою личную жизнь, пусть хоть нейтральную рекомендацию напишут! Вспотев от страха, я принялась грызть ноготь. Гордыней я никогда не страдала, поэтому решительно скопировала электронный адрес президента компании и вставила в соответствующую строку нового письма. Тут главное не упустить время.

Но едва я начала печатать, ноутбук пискнул, извещая, что мне кто-то написал. Я открыла входящие, и сердце едва не остановилось при виде адресанта: Grant.Lexington@LexingtonIndustries.com.

Господи, нет!..

Я попыталась сглотнуть, но во рту пересохло.

Дело плохо. Только как-то не соображу пока, насколько плохо.

«Дорогая мисс Сент-Джеймс!

Спасибо за Ваше письмо, прочитанное обладателем серебряной ложки в заднице в два часа ночи, когда я еще находился на рабочем месте. По тону Вашего письма, пестревшего грамматическими ошибками, хотя писала его женщина с дипломом журналиста, я предположил, что Вы сочиняли текст, будучи подшофе. Ну что ж, зато Вам отныне не придется вскакивать в четыре утра (и не благодарите).

Я не смотрел видео, о котором Вы пишете (как-то руки не дошли), но если моя эротическая фантазия когда-нибудь захиреет, я, так и быть, достану его из мусорной корзины – вместе со стандартным рекомендательным письмом, которое Ваш непосредственный начальник планировал Вам вручить.

С уважением,

Богатенький Рич».

Я шумно выдохнула полную грудь воздуха, который так долго удерживала в себе. Вот блин...

Грант

– Мистер Лексингтон, хотите, я закажу вам ланч? Только что звонил посетитель, записанный на два часа, он опаздывает на тридцать минут.

– Почему люди никогда не могут прийти вовремя? – проворчал я и нажал кнопку интеркома: – Закажите мне, пожалуйста, сэндвич с индейкой «Борс хед» и швейцарским сыром на хлебце из цельной пшеницы. И предупредите – сыра один ломтик! В прошлый раз сэндвич собирал, должно быть, повар из Висконсина.

– Да, мистер Лексингтон.

Я открыл ноутбук, чтобы проверить почту, раз уж в мой плотный график опять вкрался предательский перерыв. Скользнув взглядом по списку входящих в поисках чего-нибудь важного, я невольно остановился при виде имени «Айрленд Сент-Джеймс».

Эта женщина либо пьяна, либо сошла с ума, а может, и то, и другое. Хотя первый ее имейл позабыл меня больше, чем половина ежедневной ахинеи... Я открыл новое письмо.

«Дорогой мистер Лексингтон!

Поверите ли Вы, что моя почта была взломана и то нелепое письмо накропал неизвестный злоумышленник?

По моему рассуждению, не поверите, учитывая, какое прекрасное образование Вы получили и насколько Вы умны, сметливы, трудолюбивы и успешны.

Слишком грубая лесть? Простите. Надо же мне с чего-то начинать разгребать собственные конюшни. Нельзя ли нам забыть об электронном недоразумении и начать заново?

Видите ли, что бы Вы себе ни вообразили, я напиваюсь редко. Поэтому, когда в моей жизни нарисовалось абсолютно неожиданное письмо об увольнении, мне не понадобилось много спиртного, чтобы утопить мою печаль. Вместе с моим рассудком, как я теперь понимаю.

Спасибо, если Вы дочитали до этого места. Ниже привожу письмо, которое я сразу должна была написать.

Дорогой мистер Лексингтон!

Обращаюсь к Вам в надежде испросить Вашего содействия для отмены, как я считаю, моего неправомерного увольнения с занимаемой должности. Разрешите напомнить, что я была добросовестной сотрудницей «Лексингтон индастриз» в течение девяти с половиной лет. Я начинала у Вас стажером, была принята на должность корреспондента и после неоднократных повышений стала ведущей утреннего сегмента новостей Вашего телеканала.

Недавно я побывала в остро необходимом краткосрочном отпуске на Арубе в компании восьми молодых женщин (по случаю девичника). При отеле имелся частный пляж, зарезервированный для загорания в обнаженном виде. Не имея, в принципе, склонности к эксгибиционизму, я присоединилась к подругам и несколько часов загорала топлес. Было сделано несколько невинных снимков, ни один из которых не был размещен в соцсетях мной, и хэштега с моим рабочим псевдонимом прикреплено не было. Однако, вернувшись домой, я обнаружила в почте уведомление о моем увольнении по причине нарушения политики компании в части непристойного поведения.

Полностью поддерживая наличие такого пункта в своде правил «Лексингтон индастриз», я тем не менее всецело убеждена, что мое поведение – в личное время, на отдыхе, на частном закрытом пляже – нельзя отождествить с предосудительными действиями, перечисленными в соответствующих пп. внутренней политики «Лексингтон индастриз». В связи с вышеизложенным я почтительно прошу Вас пересмотреть решение о моем увольнении.

С уважением,

Айрленд Сент-Джеймс

(телеведущая Айрленд Ричардсон)».

Сент-Джеймс... Откуда я знаю эту фамилию? Она показалась мне знакомой, еще когда пришло первое письмо, поэтому я поискал эту Айрленд во внутреннем телефонном справочнике. Она нашлась в отделе новостей, которым руководит моя сестрица, а я избегаю его как чумы вот уже полтора года, с тех пор как возглавил компанию после смерти нашего отца. Политика, пропаганда и бюрократия меня не увлекают. Формально я президент и генеральный директор, но на деле больше занимаюсь финансовой стороной «Лексингтон индастриз».

Я отыскал и перечитал первый имейл мисс Сент-Джеймс. Второе ее письмо было, конечно, попримечнее, но первое меня позабавило больше. В конце она поставила «Утритесь», и я невольно засмеялся – со мной так никто не разговаривал. Отчего-то ее стиль показался мне свежей струей; у меня возникло престранное желание побеседовать с мисс Ричардсон за бокалом вина. Она разожгла во мне любопытство. Я снова нажал кнопку интеркома на столе:

– Милли, можете позвонить в отдел теле вещания продюсеру утреннего сегмента новостей? Не то Гаррисон Бикмен, не то Гарольд Мильтон, как-то так.

– Сию минуту. Записать его к вам на встречу?

– Нет. Скажите, что я хочу посмотреть личное дело одной из его сотрудниц, Айрленд Сент-Джеймс, рабочий псевдоним Айрленд Ричардсон.

– Я обо всем позабочусь.

– Благодарю.

Что до отложенной деловой встречи, то она продлилась всего пятнадцать минут: этот тип не только опоздал на полчаса, но и явился абсолютно неготовым. Я не располагаю запасом терпения для людей, которые не ценят мое время, поэтому я прервал его блеянье и вышел из комнаты для совещаний, попросив гостя забыть мой телефон.

– Все в порядке? – Милли подняла голову, когда я проходил мимо ее стола. – Вам что-то нужно из кабинета?

– Нет, встреча закончена. Если, паче чаяния, нам позвонят из «Бейсайд инвестментс», просто кладите трубку.

– Гм, хорошо, мистер Лексингтон. – Милли встала и с блокнотом в руке поспешила за мной в кабинет. – Звонила ваша бабушка, просила передать, что охранный сигнализация им не нужна, она отправила установщика домой.

Я только головой покрутил, обходя свой стол.

– Чудесно. Ну просто лучше некуда.

– Я отыскала личное дело мисс Сент-Джеймс и распечатала для вас. Распечатка на вашем столе в папке. Отдел персонала приобщил к ее делу некое видео, я выслала вам его на почту...

– Благодарю вас, Милли, – перебил я, усаживаясь. – Соболаговолите закрыть за собой дверь.

* * *

Черт, вот теперь я ее вспомнил! Дело давнее, но ее история не из тех, что легко забываются. Айрленд Сент-Джеймс взяли на работу, еще когда компанией руководил мой отец, и я окопачивался у него в кабинете, когда Милли принесла личное дело этой мисс. Отец использовал случай Сент-Джеймс как поучительный пример решения, которые иногда приходится принимать ради имиджа компании.

Я уселся в кресле поудобнее. Каждый соискатель проходит проверку, серьезность которой зависит от вакансии. Чем больше человек на виду, чем больше его имя и лицо способны повлиять на наш бренд, тем глубже мы копаем. Проверкой на благонадежность обычно занимаются эйчары и привлеченные спецы по расследованиям. Если человек оказывается чист, на работу его принимает менеджер, подписывая контракт у начальника отдела. Как правило, выс-

шее руководство ради этого не беспокоят, если только нанимаемый не несет в себе потенциальную угрозу нашей репутации, а начальник отдела все равно намерен его принять. Вот тогда личное дело отправляется на самый верх флагштока, то есть о нем докладывают начальству.

Айрленд Сент-Джеймс... Я потер подбородок с уже пробивавшейся щетиной. Имя у нее довольно необычное – наверное, поэтому и запомнилось, хотя я старался забыть много всякой дряни десятилетней давности.

Я полистал ее личное дело: краткая биография занимала меньше страницы, но сама папка была толщиной дюйма два.

Степень бакалавра в Калифорнийском университете в ЛА по двум специальностям – коммуникации и английскому. Магистратура в Беркли – факультет журналистики, аспирантура там же со специализацией в журналистских расследованиях. Признаться, нехило. Приводов нет, штраф всего один за неправильную парковку. Полтора года назад, когда Айрленд Сент-Джеймс повысили до ведущей утренних новостей, сведения о ней уточнили: в деле появилась запись, что у нее был роман с неким юристом. В итоге расследование ничего существенного не выявило – идеальная служащая и добропорядочная гражданка. А вот с ее папашей другая история...

Следующие полсотни страниц были в основном о нем. Рядовой сотрудник охраны в жилом комплексе, в топ-новости он попал уже после своего бегства. Согнув страницы, я медленно отпуская по одной веером, пока не нашел фотографию маленькой девочки. Подпись подтверждала, что это Айрленд. На снимке ей лет девять-десять. Непонятно почему я уставился на фотографию, как на мясную дорожную аварию: маленькая Айрленд плакала, а женщина-коп обнимала ее за плечи, уводя из дома.

Молодец.

Молодец, Айрленд, что после такого начала ты взлетела довольно высоко.

Фотография была невеселой, но я ей улыбнулся. Жизнь у этой девочки легко могла сложиться совсем иначе. Неудивительно, что Айрленд написала мне второе письмо – она не привыкла пасовать.

Я нажал кнопку интеркома.

– Да, мистер Лексингтон? – тут же ответила Милли.

– Меня интересуют последние выпуски утренних новостей с мисс Сент-Джеймс, в эфире она Айрленд Ричардсон. Сбросьте мне на почту ссылку на архивы, хорошо?

– Будет сделано.

* * *

Пожалуй, я больше внимания уделял бы нашему телеканалу, если бы знал, как он выглядит. Или хотя бы смотрел утренние новости.

Айрленд Сент-Джеймс оказалась сногшибательной – большие голубые глаза, роскошные светлые волосы, белые зубы, сверкавшие в частой улыбке. Она напоминала ту высокую актрису из последнего фильма о Безумном Максе, только была помоложе.

Я просмотрел три полных утренних сегмента новостей, прежде чем открыл письмо Милли, присланное ранее, – с материалами на Айрленд, добытыми нашим запасливым отделом по персоналу. Три пары сисек уставились на меня с монитора. Женщины на пляже, прикрывшись крошечными лоскутками – трусами бикини, томно потягивали что-то из кокосовых скорлупок через соломинки. Я с трудом оторвался от бюстов и взгляделся в лица: Айрленд среди них не было. Но за несколько секунд до окончания видео с пляжа к сидевшим подошла четвертая женщина. Мокрые блестящие волосы казались темнее, но улыбка была несомненно улыбкой Айрленд.

Если у других дам я первым делом заметил их тела, то от лица Айрленд я не мог оторваться до самого конца коротенького видео. Не потому, что фигура у нее оказалась так себе: груди были полные и явно свои, вполне соответствовавшие ее соблазнительному телу; просто от изгиба ее губ в улыбке мне сразу захотелось одеться в броню.

Я двинулся в кресле и повел курсор к крестик в углу вкладки. Хотя Айрленд предложила добавить свое изображение в мой банк эротических фантазий, я не собирался проявлять подобное неуважение. Если бы она сама прислала мне это видео, история получила бы совсем другое продолжение, но я не хотел потом ждать, когда пройдет эрекция, как ни хотелось мне пересматривать видео вновь и вновь.

Я развернулся к окну. Айрленд Сент-Джеймс, ты, судя по всему, настоящая головная боль. Особа, от которой мне лучше держаться подальше, это яснее ясного. Однако я не мог подавить желание побольше разузнать. Несколько минут я колебался, не начать ли собственную проверку – например, выслушать ее версию случившегося. Но к чему мне это?

К тому, что Айрленд Сент-Джеймс пробудила во мне интерес, вот к чему.

Может, я хотел, чтобы в моей компании все было честно и справедливо.

А может, мое любопытство подогрела ее неотразимая улыбка, убойные формы и искорканное детство?

Взвесив разные версии, я понял ответ. Датчики предупреждения в мозгу вопили мне стереть имейлы и спустить распечатку личного дела в измельчитель для бумаги – это был бы разумный поступок и правильное деловое решение. Однако...

Я тронул пробел, чтобы ноутбук очнулся к жизни, и начал печатать:

«Уважаемая мисс Ричардсон!

После дополнительной проверки...»

Айрленд

Гарольд Бикмен – та еще сволочь.

Я люблю свою работу, но вот мой начальник – единственное, о чем я не буду скучать. Не мужик, а мешок с дерьмом. Бикмен был от меня не в восторге с самого начала – я случайно узнала, что на аналогичную позицию он взял парня с меньшим опытом и меньшим стажем работы в компании, чем у меня, а зарплату ему положил на двадцать тысяч больше. Я самым профессиональным образом поинтересовалась этим фактом у Бикмена, и он снисходительно объяснил, что у каждого сотрудника и каждой должности есть свои плюсы и минусы. Он заверил, что мне не о чем волноваться и что рано или поздно я получу такой бонус, о котором Джек Дорфман и мечтать не может, – оплачиваемый декретный отпуск, железно закрепленный в правилах «Лексингтон индастриз».

Я подала официальную жалобу в отдел кадров насчет гендерной разницы в оплате труда и получила аналогичную надбавку, но уязвленный Бикмен не простил, как он считал, моего предательства. Мне казалось, нам удавалось работать вместе без особых трений (в основном избегая друг друга), но сегодняшний имейл продемонстрировал, какой же Бикмен колоссальный гад. Я догадывалась, что с «голосистым» пляжным видео без него не обошлось: видит бог, этот негодяй давно мечтал посадить на мое место Сирену Эжерт.

Замечу в скобках, что Сирена – ее настоящее имя, не журналистский псевдоним. О чем только думали ее родители?.. Ну ладно, не суть.

Гарольд Бикмен, пятидесятичетырехлетний, обрюзгший, лысеющий, воняющий, как залежалый сыр, не был самой яркой лампочкой в гирлянде, когда дело касалось женщин. Держу пари, он надеялся на интрижку с двадцатичетырехлетней Сиреной (второе место на прошлогоднем конкурсе «Мисс Сиэтл») только потому, что она похлопала ему ресницами. А еще я готова спорить, что Бикмен надеялся – я последую указаниям из его имейла.

«Уважаемая мисс Ричардсон!

В свете неблагоприятных событий и Вашего ухода с нашего телеканала попрошу Вас в четверг, 29 сентября этого года, явиться в офис к 10 часам утра и забрать личные вещи. Надеюсь, во время своего визита Вы будете вести себя профессионально. Так как Ваше рабочее удостоверение и пропуск в здание аннулированы, Вам будет необходимо подойти на пост охраны.

Всего наилучшего,

Гарольд Бикмен».

Чего?! Мне захотелось пролезть в ноутбук и задушить этого козла. Лицо сводила гримаса при мысли, что Бикмен тоже посмотрел на «неблагоприятные события». Небось еще и помастурбировать успел за двадцать две секунды видео с женщинами без лифчиков, прежде чем поперся к Сирене и предложил ей мою должность.

Единственный плюс увольнения – в четверг я наконец смогу высказать этому уроду все, что я о нем думаю... хотя с этого труса станется «отойти по делам», когда я приду за вещами.

Со вздохом я отправила письмишко в корзину, избавившись от Гарольда раз и навсегда, и, уже закрывая ноутбук, заметила новое письмо, на этот раз от Гранта Лексингтона. Мне стало любопытно, и я немедленно открыла имейл.

«Уважаемая мисс Ричардсон!

После дополнительной проверки обстоятельств Вашего дела я пришел к выводу, что решение о Вашем увольнении было обоснованным. Однако я свяжусь с Вашим непосредственным начальником и предложу ему дать вам нейтральные рекомендации по итогам Вашей работы.

С уважением,

Грант Лексингтон».

Великолепно. Лучше некуда – поручить Бикмену написать обо мне нейтральный отзыв! Наверное, стоило захлопнуть ноутбук и малость остыть, но последние сорок восемь часов довели меня до точки кипения. Я бешено настрочила ответ, не заботясь о формальностях вроде приветствия и прочего.

«Офигенно! Больше, чем женщин, Гарольд Бикмен ненавидит, разве что когда барабанят ногами по полу, если, конечно, не питает тайной надежды поиметь подчиненную, как ту мадам, которая пришла на мою должность.

Что ж, и на том спасибо!»

* * *

Два дня спустя, в четверг, я в том же нервном состоянии приехала в офис на сорок пять минут раньше, не зная, насколько меня задержат утренние пробки: я привыкла ездить на работу в полпятого утра, когда дороги почти пусты. Я подозревала, что Бикмен мог распорядиться, чтобы меня не пускали до десяти часов, поэтому решила подождать в кафе и внутренне подготовиться к неизбежному общению с Гарольдом Бикменом и освобождению моего письменного стола.

Я заказала кофе без кофеина – руки и так тряслись – и ушла за столик в углу. Со стрессом я обычно борюсь, просматривая в «Инстаграме» клипы из шоу «Эллен». Они меня всегда смешат, и напряжение уходит. Я открыла забавное видео, где Билли Айлиш пугает Мелиссу Маккарти, и невольно захохотала. Досмотрев клип, я подняла глаза и неожиданно увидела, что рядом стоит человек.

– Можно к вам присесть?

Я смерила подошедшего взглядом. Высокий, красивый, в дорогом костюме – на маньяка не похож. С другой стороны, Скотт тоже не вылезал из дорогих костюмов...

Я прищурилась.

– Зачем?

Молодой человек огляделся, снова уставился на меня зеленовато-серыми глазами, и левый уголок его губ чуть дрогнул.

– Потому что другие места заняты.

Я тоже огляделась. Вот черт, действительно, в кафе яблоку негде упасть. Убирая сумку со стула, я кивнула.

– Простите, не заметила, как набежал народ. Я думала... Не важно. Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Уголок губы снова дернулся. У него что, тик или я его так насмешила?

– Я сказал: «Простите», но вы были так поглощены своим занятием, что не услышали.

– А, да-да. Много работы. Дела, дела, – я незаметно закрыла «Ютуб» и открыла почту.

Красавец мужчина расстегнул пиджак и присел напротив. Поднеся к губам чашку кофе, он сказал:

– Видео с Уиллом – мое любимое.

Я недоуменно свела брови. Мужчина усмехнулся.

– С Уиллом Смитом из «Эллен». Я невольно обратил внимание, что вы смотрели. Вы улыбались. У вас прелестная улыбка.

Я покраснела (не от комплимента) и округлила глаза.

– Да, я солгала, я занималась не работой. Могли бы и не ловить меня на лжи.

Едва заметная улыбка превратилась в широкую, однако в ней по-прежнему сквозила самоуверенность.

– Вам говорили, что у вас надменная улыбка? – не сдержалась я.

– Нет. Я теперь мало улыбаюсь.

– Очень жаль. – Я наклонила голову.

Незнакомец вглядывался в мое лицо.

– А почему вы солгали о работе?

– Честно?

– Да, давайте попробуем пойти по пути честности.

Я вздохнула.

– Инстинктивная реакция. Я только что потеряла работу и, видимо, почувствовала себя лузершей, сидя здесь и глядя эпизоды из «Эллен».

– А кем вы работали?

– Диктором на телеканале «Лексингтон индастриз». С меня, так сказать, начинались утренние новости.

Мистер Редкая Улыбка отреагировал не так, как большинство людей. Обычно после слов, что я работаю на телевидении, я вижу удивленно вскинутые брови и готовлюсь отвечать на целый град вопросов, хотя наша профессия кажется гламурной лишь непосвященным. Сидевший напротив вовсе не восхитился, а если и восхитился, то не подал виду. Это показалось мне любопытным.

– А чем занимаетесь вы, что носите ничего себе костюм, однако сидите в кафе и никуда не торопитесь в... – я взглянула на часы, – без пятнадцати десять утра?

Уголок его губы снова изогнулся. Этому типу явно нравился мой сарказм.

– Я генеральный директор компании, – ответил он.

– Впечатляет.

– Не особенно, это семейный бизнес. Я не создавал фирму с нуля.

– Ага, протекция! – Я отпила кофе. – Вы правы, уже не так впечатляет.

Он снова улыбнулся. Если он действительно редко улыбался, это просто безобразие с его стороны, потому что полные губы и самоуверенная улыбка могли растопить сердца – и выиграть партию в покер.

– Расскажите о вашем увольнении, – попросил он. – Чтобы не возвращаться к «работе», которую вы делали в телефоне.

Я невольно рассмеялась.

– Это долгая история. Я сделала, по-моему, совершенно безобидную вещь, которая вдруг оказалась грубым нарушением политики компании.

– А в остальном вы хороший работник?

– Я девять лет пахала так, что задница дымилась, чтобы занять свою должность.

Незнакомец смотрел на меня и медленно пил кофе.

– Вы пробовали поговорить с руководством?

– Мой непосредственный начальник давно мечтал о моем уходе – с тех пор, как я пожаловалась, что он нанял парня на такую же должность, но с большей зарплатой, чем платили мне... – И тут я вспомнила, что мне нужно идти в офис к упомянутому начальнику. – Знаете, мне пора. Босс, извольте видеть, ждет, когда я соберу манатки.

«Мистер Президент» потер подбородок.

– Можно дать вам совет? Я неоднократно разбираю трудовые споры.

– Давайте, – я пожалала плечами. – Вдруг пригодится.

– Ответные действия негативного характера за ваше сообщение о необоснованной разнице в зарплате по гендерным основаниям противозаконны. Я бы предложил вам записаться на прием в отдел кадров и изложить суть претензии. Они обязаны назначить служебное расследование, и тогда уже вашему начальнику придется сидеть в кафе и смотреть эпизоды из «Эллен».

Хм, Скотт не упомянул, что бикменовская «ответка» противозаконна, когда я рассказала, что произошло. Но это понятно, он был слишком занят, отчитывая меня за пребывание на пляже – и без лифчика.

Я встала.

– Спасибо. Возможно, я так и поступлю.

Красавец мужчина тоже поднялся со стула, глядя на меня так, будто хотел что-то добавить, но отчего-то был вынужден тщательно взвешивать свои слова. Я ждала, но пауза стала неловкой.

– Хм... Приятно было познакомиться, – сказала я.

– Взаимно, – он кивнул.

Я направилась к выходу, но он остановил меня, снова заговорив:

– А вы... вы не хотите потом со мной пообедать? Отговориться занятостью не получится – я знаю, что вы... совершенно свободны.

Я улыбнулась.

– Спасибо, но – не нужно.

«Мистер Президент» кивнул и снова опустил на свое место.

Я вышла из кафе, недоумеваю, почему я сказала «нет». Разумеется, маньяков никто не отменял, но пообедать в общественном месте не опаснее, чем встретиться со знакомым из бара. Я так раньше делала. Признаться, что-то в этом человеке внушало мне робость – как при первом знакомстве со Скоттом: слишком уж он красив и успешен. Видимо, я просто робею перед мужчинами такого типа.

Но это же глупо! Новый знакомый безусловно секси, а утро и так обещало быть достаточно паршивым. Отчего же не воспользоваться шансом и не сходить на обед?

Я остановилась, отчего идущий сзади врезался мне в спину.

– Простите, – извинилась я.

Прохожий поморщился и обошел меня, а я побежала обратно в кафе. Рванув дверь на себя, я увидела, что президент неизвестной компании уже стоит с чашкой в руке, будто собираясь уходить.

– Эй, мистер президент, вы же не серийный маньяк?

Брови у него так и подскочили.

– Нет, я точно не маньяк.

– О'кей, тогда я передумала. Давайте вместе пообедаем.

– Ну, теперь я прямо рад, что сдержался и не разбушевался.

Я засмеялась и полезла в сумку за телефоном.

– Введите ваш номер, я сброшу вам смс.

Он бодро напечатал мне свой телефон, и я сбросила ему смс со своим номером и именем.

Новый знакомый взглянул на завибрировавший телефон и отметил:

– Айрленд? Красивое имя, вам подходит.

Я взглянула в свой телефон, но своего имени мой новый знакомый не ввел.

– Мистер президент, а вы не представитесь?

– Нет, я намерен подогревать ваше любопытство до самого обеда.

– Хм... О'кей. Наверное, у вас какое-нибудь снобистское «президентское» имя, которое передается в роду вместе с трастовым фондом!

Он засмеялся.

– Я очень рад, что зашел сюда сегодня выпить кофе.

Я улыбнулась.

– Я тоже рада. Попозже я вам напишу насчет ланча.

Он кивнул.

– Буду ждать, Айрленд.

В офис я направилась в гораздо лучшем настроении. Может, сегодняшний день и не окажется безнадежно испорченным.

* * *

– Это шутка? Ты не мог попросить ее подождать, пока я заберу свои вещи?

Офисный зал у нас открытой планировки – такой большой квадрат с кубическими перегородками (аквариумы) по периметру. Охранник шел за мной по пятам до кабинета Бикмена, будто я заключенная в тюрьме, и в противоположном углу зала мне отлично было видно Сирену – она шустро переносила коробки из своего аквариума в мой кабинет.

Бикмен дернул за пряжку ремня, поддернув брюки из-под живота на пупок.

– Не устраивай сцен, иначе твоё барахло сгребут в коробки без тебя!

Я нахмурилась и принялась постукивать ногой по полу, говоря:

– Надеюсь, ты хотя бы положишь ей одинаковую зарплату с сотрудником мужского пола, обладающим аналогичным образованием и опытом? Хотя это будет непросто, ведь парень с ее квалификацией до сих пор разбирает корреспонденцию в экспедиции...

Бикмен натянул в своем телефоне какие-то кнопки и сказал в микрофон:

– Тут Айрленд пришла очистить кабинет, ты ей не мешай, закончишь переезд, когда она уйдет.

– Да, мистер Бикмен.

Я вытаращила глаза. «Да, мистер Бикмен»?!

Негодяй махнул ручонкой, отпуская меня восвояси:

– Давай, давай, не задерживай!

Я с отвращением вышла в зал, но одна мысль заставила меня остановиться. Я еще не решила, обращусь ли я к эйчарам насчет мотивов личной мести, которыми руководствовался Бикмен, подстроив мое увольнение. Доказательств у меня не было – я не смогла бы доказать, что именно Бикмен обнародовал треклятое видео, а угрозы, как я прекрасно знала, на него не действовали. Однако мне нужно было макнуть его в дерьмо, чтобы слегка исправить себе настроение.

Я снова переступила порог кабинета и отпустила дверь, тихо закрывшись за моей спиной.

– Бикмен, ты несколько лет искал повод меня уволить, но это было сложно, потому что я была образцовым сотрудником, а рейтинги новостей стабильно шли вверх с тех пор, как я начала вести утренний сегмент. Наконец ты нашел, к чему придраться. Не знаю, как ты это устроил, но уверена, что именно ты переправил в отдел кадров это видео. Скажи, ты себе копию оставил? Надеюсь, что оставил, потому что это будет единственная задница, которую ты увидишь в этом офисе. Тебе не видать ни дюйма обнаженной кожи глупой девчонки, едва закончившей среднюю школу, которую ты взял на мою позицию. Ты рассчитывал на этом к ней подъехать, но она уже трахается с новым стажером из отдела рекламы. Кстати, ты помнишь временную секретаршу Мардж Вилсон, немолодую разведенку, которую ты подпоил на офисной рождественской вечеринке несколько лет назад? Думаешь, никто не в курсе, что ты поехал потом к ней домой? – Я улыбнулась и помахала мизинцем в воздухе. – Все знают, что Мардж дала тебе прозвище Гулькин Нос!

На этом я распахнула дверь, глубоко вздохнула и пошла собирать девять лет моей жизни.

Буквально три минуты спустя у двери моего кабинета возникли секьюрити, а за их спинами маячил Бикмен.

Перекладывая в коробку содержимое верхнего ящика, я обвела бывшего начальника недобрым взглядом.

– Я еще не закончила.

– Ты целый час возишься, а нам работать надо!

– Господи, Гулькин Нос, какой же ты урод... – пробормотала я, выдвигая второй ящик. Бормотать я не умею – Бикмен побагровел и указал в направлении выхода:

– Вон! Вон отсюда!

Я выдернула ящик совсем и, не церемонясь, вывалила его содержимое в коробку. Затем я проделала то же самое с оставшимися двумя ящиками, бросив их на стулья для посетителей. Схватив со стола фотографии в рамках, а со стены – мой диплом, я затолкала все это в коробку.

Двое охранников в форме, которых вызвал Бикмен, смущенно мялись на пороге.

Я невесело улыбнулась одному из них:

– Я уйду, чтобы вам не пришлось иметь дело с этим уродом.

Охранники проводили меня к лифтам и зашли со мной в кабину. У Бикмена хватило ума спускаться на другом лифте, но когда мы вышли на первом этаже, мой бывший непосредственный начальник появился из соседней кабинки.

Я покачала головой, продолжая идти к выходу.

– По-моему, двух охранников достаточно. Необязательно меня провожать, Бикмен.

Он держался на расстоянии, но упорно шел за мной. В главном холле былолюдно, и у меня мелькнула мысль уйти, громко хлопнув дверью. Остановившись, я поставила на пол тяжелую коробку, развернулась и, указывая на Бикмена пальцем, завопила изо всех сил:

– Этот человек пользуется служебным положением, чтобы домогаться своих подчиненных! Он только что уволил меня и отдал мою должность молоденькой девчонке, надеясь, что в качестве ответной услуги она раздвинет ноги! Этот негодяй не слышал о движении «#ЯТоже»!

Бикмен кинулся ко мне и схватил за локоть. Я вырвалась.

– Не смей меня трогать!

Он отскочил, сообразив, что на него смотрят, и счел за лучшее отступить к лифтам.

Нужно было убираться, пока охрана не вызвала полицию, поэтому я глубоко вздохнула, успокаиваясь, подняла коробку и подбородок и решительно направилась к стеклянным дверям. Но навстречу мне шел человек, шагая широко и скоро. Я невольно остановилась, разглядев его лицо – очень рассерженное, даже взбешенное.

– Держите свои поганые руки при себе! – рявкнул он на Бикмена за моей спиной.

Мистер Президент.

Ну, дальше уже некуда. Первый мужчина, который вызвал во мне интерес за несколько месяцев, – и надо же, вошел в наше здание, когда я закатила скандал и орала как сумасшедшая. Хуже момента и подобрать нельзя. Да, день не задался.

И тут, видимо, сказалось накопившееся напряжение: я захохотала как ненормальная. Сперва просто прыснула, но фыркание перешло во всхрипывающее ржание, а затем в идиотский безудержный смех. Напрасно я зажимала рот – слова вырвались между приступами хохота:

– Ну конечно... Место встречи изменить нельзя... Клянусь, обычно я не такая... Просто последние дни были ну очень скверными...

«Мистер Президент» смотрел куда-то мне за спину, и выражение его лица было смертоносным: на щеках играли желваки, подбородок стал квадратным, ноздри раздувались, как у быка. Оглянувшись, я увидела, что Бикмен снова идет к нам, вместо того чтобы слинять в один из лифтов.

Я вздохнула, понимая, что еще ничего не кончилось, и закрыла глаза.

– Я пойму, если вы отмените свое приглашение на обед.

Недавний знакомый остро взглянул на меня, на Бикмена и снова на меня.

– Вообще-то я с удовольствием с вами пообедаю, но, сдастся мне, вы сами вот-вот передумаете.

Грант

– Мистер Лексингтон, как приятно вас видеть!

Айрленд завертела головой, глядя то на меня, то на Бикмена. Если в кафе у меня еще оставались сомнения, знала ли она, кто я, то сейчас ее замешательство подтвердило – она ни о чем не догадывалась.

– Как-как он вас назвал?!

Бикмен вынырнул из-под локтя Айрленд, но я осадил его нехорошим взглядом.

– Оставьте нас, мне нужно поговорить с мисс Сен-Джеймс.

Глаза у Айрленд вспыхнули.

– Ах, сукин сын, вы с самого начала знали, кто я?

Бикмен торчал рядом, будто я и не велел ему убираться.

– Вы плохо слышите? – зарычал я.

– Простите, мистер Лексингтон, конечно-конечно, я буду у себя. Мой кабинет на одиннадцатом этаже, если я понадобится...

Ну, еще бы, можно подумать, ты и так мало сделал. Я велел охранникам вернуться на пост и попытался взять у Айрленд увесистую коробку.

– Позвольте?

Она живо увернулась, отставив коробку подальше от меня.

– Значит, вы – Грант Лексингтон?

– Совершенно верно.

– И в кафе вы знали, кто я?

Я сглотнул.

– Знал.

– О боже, я дала свой телефон лжецу! Это еще хуже, чем маньяку.

– Я вам ни разу не солгал.

– Да, только умолчали, что вы начальник начальника моего начальника! – Тяжелая коробка, которую она держала, едва не выскользнула на пол. – Господи, письма!.. Мы же списывались по электронке, и вы не посчитали уместным назваться, хотя прекрасно знали, кто я?

– Но я действительно не знал, кто вы, когда подошел к свободному стулу! Я собирался признаться за обедом...

Она мелко затрясла головой:

– За обедом?! Да идите вы... вместе со всей вашей треклятой компанией...

Обойдя меня, она направилась к выходу.

– Айрленд! – повысил я голос.

Она не обернулась. Пожалуй, мне пора к психиатру: когда Айрленд обличала Бикмена, а мне велела отвалить, мой член задергался. Ее отповедь понравилась мне не меньше, чем ее великолепная задница, которую я проводил глазами до выхода из моего здания.

Я с улыбкой покачал головой. Пожалуй, мы оба чуточку чокнутые.

– Так я вам позвоню, чтобы перенести обед на другой день? – крикнул я ей вслед.

Не оборачиваясь, Айрленд подняла руку и выставила средний палец.

Я усмехнулся.

Шестое чувство подсказывало, что это не последняя наша встреча, но сейчас меня ждали другие, срочные дела.

* * *

– Мистер Лексингтон, как приятно вас видеть! Простите, что вам пришлось стать свидетелем пренеприятного происшествия на первом этаже – одна недовольная уволенная сотрудница устроила сцену...

Тут в кабинет Бикмена заглянула молодая женщина, не сразу заметив меня, потому что я стоял с другой стороны от двери.

– Можно мне уже в мой офис... – при виде меня она осеклась. – О, простите, что помешала, я не знала, что вы не один.

– Ничего, – я кивнул.

Бикмен поспешил нас познакомить.

– Сирена, это Грант Лексингтон, президент и генеральный директор компании, которая владеет нашим маленьким телеканалом.

– Вау! – восхищенно выдохнула Сирена.

Я протянул руку.

– Рад познакомиться.

Бикмен выпятил грудь.

– Сирена только что получила должность ведущей новостей.

Так это та самая девица без нужной квалификации, о которой разорялась Айрленд?

Бикмен отпустил подчиненную, милостиво разрешив перебираться в новый кабинет, и я заметил, как он плотоядно оглядел ее зад. Когда дверь за юной *сиреной* закрылась, я решил убедиться в правильности своей догадки.

– Это и есть замена мисс Сент-Джеймс?

Негодяй надулся от гордости.

– Да, она выпускница Йеля и...

Я оборвал его, не дослушав:

– Как к вам попало видео с отдыха мисс Сент-Джеймс?

– Простите?

– Мне повторить помедленнее? Как. К вам попало. Видео. С отдыха мисс Сент-Джеймс!

– Я... гм... видел его в соцсетях.

Я приподнял бровь.

– В ее паблик-аккаунте?

– Нет, в ее «Инстаграме».

– Неужели вы числитесь в ее друзьях? Как вы можете видеть то, что размещено в ее личном аккаунте?

– Да. То есть не совсем. Я... У меня есть доступ к аккаунту, где она числится в друзьях.

– Поясните, – я начал терять терпение.

– Я заходил с аккаунта одной бывшей сотрудницы, там чисто базовый профиль...

– То есть вы признаетесь в том, что под чужим именем следите за подчиненными через их личные аккаунты?

Бикмен нервно растянул галстук.

– Нет-нет, только за проблемными.

– Ах, за проблемными?

– Да.

Других доказательств мне не требовалось. Айрленд не преувеличивала, этот тип действительно нечто исключительное. Я подошел к его столу, снял трубку с его телефона и нажал пару кнопок. Дождавшись ответа охраны, я сказал:

– Это Грант Лексингтон. Поднимитесь, пожалуйста, на одиннадцатый этаж – у меня тут уволенный сотрудник, которого нужно вывести из здания.

Я положил трубку. Бикмен, похоже, не понял, в чем дело. Я уперся руками в бока.

– Вы уволены. Освободите стол до прихода секьюрити – уверен, у вас больше времени, чем те минуты, которые вы дали мисс Сент-Джеймс.

Негодяй заморгал.

– Что?

Я подался вперед и медленно проговорил:

– Какое слово из «вы уволены» вам непонятно?

Бикмен что-то залопотал, но я не стал слушать, вышел в общий зал и направился к, как я рассудил, секретарю, судя по тому, где женщина сидела.

– Вы секретарь Бикмена?

Пожилая дама явно заволновалась:

– Да.

Я взглянул на табличку с именем на столе и протянул руку. Надо мне чаще сюда заходить – половина сотрудников даже не знает, кто я.

– Здравствуйте, Кэрол, я Грант Лексингтон, генеральный директор «Лексингтон индастриз», которая владеет вашим телеканалом. Мой офис в соседнем здании. Мистер Бикмен больше у нас не работает. О своей должности не беспокойтесь, вы остаетесь.

– О'кей...

– Кто замещает Бикмена, когда он в отпуске?

– Гм... Айрленд замещала.

Великолепно.

– Так, а кто следующий за Айрленд по должности?

– Должно быть, Майк Чарльз.

– Где он сидит?

Кэрол указала на нужный кабинет.

– Благодарю вас.

Я переговорил с Майком Чарльзом, назначив его временным главой отдела, посмотрел, как охрана провожала ошарашенного Бикмена, и ушел к себе в соседнее здание.

Милли при моем появлении вскочила и пошла за мной в кабинет, на ходу читая мне список звонков, которые я пропустил, и прочую ерунду, которая тут же забывалась. Я снял пиджак и закатал рукава рубашки.

– Будьте любезны направить имейл моей сестре с уведомлением, что я уволил Гарольда Бикмена с нашего телеканала. Временно его замещает Майк Чарльз.

– Гм... конечно. Правда, когда вы в последний раз *наняли* кого-то в подразделение вашей сестры, Кейт осталась не в восторге. После моего сообщения она окажется в вашем кабинете через десять минут.

Я выпрямился и шумно выдохнул.

– Вы правы, я ей сам скажу. Вызовите ее ко мне.

Милли уставилась на меня над кромкой своего блокнота.

– Ей, наверное, пришлось бы по душе, если бы вы сами зашли к ней... Для разнообразия.

Милли была права – сестра вечно ворчала, что не нанималась ко мне бегать.

– Справедливо. Тогда передайте Кейт, что я зайду через десять минут.

– Будут ли еще какие-нибудь распоряжения?

– Можете отправить курьером письмо с извинениями для Айрленд Сент-Джеймс? Напишите, что я рассмотрел обстоятельства ее увольнения, счел его неправомерным и прошу ее вернуться в понедельник на работу.

Милли быстро записывала в блокноте.

– О'кей, я сделаю это немедленно.

– Благодарю вас.

Когда она направилась к дверям, я вспомнил кое-что еще.

– И прибавьте, пожалуйста, к письму дюжину роз.

Брови Милли сошлись на переносице, но она редко комментировала мои распоряжения, а сегодня и так уже напомнила о вероятной реакции моей сестрицы. Поэтому секретарша быстро дописала в блокнот пару слов и коротко ответила:

– Будет сделано.

* * *

На следующее утро Милли, явно нервничая, вошла в мой кабинет с длинной белой коробкой. На крышке коробки было красным маркером выведено мое имя.

– Это только что доставили с посылным.

Я открыл коробку и развернул тонкую бумагу. Дюжина роз лежала внутри, но головки были отрезаны от стеблей, а сверху лежала записка:

«Цветочки оставьте себе. Хотите, чтобы я вернулась – дайте хорошую прибавку. Айрленд».

Я захохотал. Милли смотрела на меня как на потерявшего рассудок.

– Позвоните мисс Сент-Джеймс и передайте от меня, что я не веду переговоры через курьеров. Договоритесь о встрече за ланчем сегодня в час, в «Ла Пьяцце».

* * *

Я взглянул на часы. Если бы речь не шла об Айрленд, я бы уже встал и вышел из ресторана. Однако в четверть второго я сидел за столом в одиночестве с бокалом воды, когда в «Ла Пьяццу» вплыла Айрленд Сент-Джеймс. Она огляделась, и официантка подсказала, где я сижу.

Айрленд направилась в мою сторону и улыбнулась, застав меня врасплох. Сердце забило чаще. В отличие от вчерашнего дня и всех выпусков новостей, которые я посмотрел, сегодня Айрленд забрала волосы в гладкий конский хвост, открыв высокие скулы. Взгляд невольно задерживался на ее лице, на красивых полных губах. Иным женщинам требуется всякая показушная бутафория в виде макияжа и затейливой укладки, но Айрленд казалась еще красивее без этой фигни. Она явилась в васильковой рубашке и черных слаксах – самый консервативный наряд, однако мужчины и женщины одинаково пожирали ее глазами, когда она шла по ресторану.

Я встал, стараясь не показать, насколько на меня подействовала ее внешность.

– Вы опоздали.

– Простите, я выехала с запасом, но у машины спустило колесо. Пришлось ловить такси.

Я указал на стул.

– Садитесь, пожалуйста.

Айрленд уселась, и тут же подоспел официант:

– Какие напитки прикажете?

Я взглянул на Айрленд. Она усмехнулась и развернула салфетку.

– Обычно я днем не пью, но раз уж я безработная, не за рулем, да и платит пригласивший, то мне бокал мерло.

Я с трудом сдержал улыбку.

– А мне воду с газом, – я взглянул на Айрленд, – раз у меня есть работа.

Официант исчез. Айрленд сложила перед собой руки на столе. Обычно люди уступают инициативу в разговоре мне, но эта девушка обычной не была.

– Короче, – начала она, – я поговорила с адвокатом, и он заверил, что мне можно смело подавать в суд на вашу компанию за харассмент, нарушение условий контракта и психологическую травму.

Я даже подался назад на стуле.

– А кто у вас адвокат?

– Скотт Маркум.

Это имя мелькало в ее досье – несколько лет назад Скотт Маркум был ее бойфрендом. Мне стало интересно, по-прежнему ли они встречаются.

– Понятно. Я пришел принести вам свои извинения, предложить вернуться на прежнюю должность и, возможно, несколько повысить вам зарплату, но раз вы предпочитаете действовать через адвокатов, давайте так и сделаем. – Я встал из-за стола. Меня на пушку не возьмешь, милая.

Айрленд клюнула на мой блеф.

– Вообще я предпочла бы обойтись без адвокатов, просто передаю вам слова моего консультанта.

Я сложил руки на груди.

– Даете понять, что у вас есть что использовать против меня?

Айрленд, передразнивая меня, тоже скрестила руки на груди.

– Вы присядете, чтобы мы могли поговорить, или возмущенно выйдете, как сопливый подросток?

У этой дамы, как говорится, имелись яйца, и немалые: после ее слов мне захотелось заглянуть под стол и присмотреться, не бугрится ли у нее в паху что-нибудь неженское. Мы мерили друг друга взглядами добрую минуту, прежде чем я сдался и опустился на стул.

– Хорошо, мисс Сент-Джеймс, давайте раскроем карты. Чего вы хотите?

– Я слышала, вы уволили Бикмена. Это правда?

– Да.

– Почему?

– Меня не устроили его методы мониторинга подчиненных.

– Меня тоже. К тому же он сволочь.

Я с трудом удержал улыбку.

– Ну и за это тоже.

– Скажите, в кафе вы за мной следили?

– К вашему сведению, я не слежу за подчиненными во внеслужебное время. Я просто зашел выпить кофе. Я был за рулем, когда мне позвонили; прием был плохой, и звонок сорвался. Нужно было срочно написать смс, чтобы звонившая не волновалась.

– Тогда почему вы сразу не представились, как только поняли, кто я?

– Позавчера я уже ответил на этот вопрос. Я присел за ваш столик по простому совпадению, а когда вник в ситуацию, то не знал, как вы отреагируете.

Официант принес вино и мою воду. Айрленд посматривала то на него, то на меня.

– Нам понадобится несколько минут, – бросил я. – Мы еще не читали меню.

Взгляд Айрленд снова остановился на мне, когда официант отошел. Она будто что-то обдумывала.

– Еще вопросы?

Она кивнула.

– А с кем вы разговаривали?

– Что?

– Ну, когда вам позвонили в дороге, звонок сорвался, и вы не хотели волновать эту особу?

Я отпил воды.

– Звонила моя бабушка, и это не ваше дело. Я не собирался заводить разговор о ваших «пьяных» имейлах, но если вы намерены пережевывать каждую фразу, давайте обсудим и их заодно.

Она прищурилась и отпила вина.

– Я хочу прибавку в двадцать процентов и Мадлин Ньютон на должность Бикмена. Интересненько. Я поскреб подбородок.

– Давайте не все сразу. Я прибавлю вам десять процентов...

– Пятнадцать.

– Двенадцать с половиной.

– Семнадцать, – она улыбнулась.

Я засмеялся.

– Так не пойдет. Раз начав переговоры, вы не можете из них выйти, если вам вдруг не понравилось, как пошли дела.

Айрленд нахмурилась.

– И кто установил такое правило?

Я покачал головой.

– Я вам вот что предложу. Я прибавлю вам пятнадцать процентов, но вы, в свою очередь, подпишете письменный отказ от любого иска в отношении того, что Бикмен мог натворить в бытность начальником.

Айрленд подумала.

– О'кей, так будет справедливо. Если честно, я не собиралась обращаться в суд. Наше общество и без того погрязло в сутяжничестве, к тому же я недолюбливаю адвокатов.

– Даже Скотта Маркума?

– Его в особенности.

Мне было приятно это услышать.

– Значит, договорились?

– Да, если вы обещаете рассмотреть кандидатуру Мадлин Ньютон на должность Бикмена.

Она лучше других подходит на эту позицию, и ее дважды обходили с повышением.

– Если она напишет заявление, я прослежу, чтобы оно получило должное внимание.

– Спасибо, – и Айрленд протянула руку: – Тогда мы договорились.

Мне не стоило обращать внимание, какие у нее изящные маленькие руки и шелковистая кожа, но я обратил. Откашлявшись после рукопожатия, я сказал:

– Я передам Майку Чарльзу, что вы возвращаетесь на телеканал. Должен признаться, я удивлен, что вы сами не стали претендовать на должность Бикмена.

Айрленд покачала головой.

– Я к этому не готова. А Мадлен отлично справится. В отличие от Бикмена, она умна и справедлива, люди к ней прислушиваются. Хотя Бикмен тоже не был дураком, глупел только при виде юбок.

Эта женщина не переставала меня удивлять.

– То есть вы считаете Бикмена умным?

Она кивнула.

– Ну да. Правда, в остальном он полный отстой.

– Как же вы смогли столько проработать под началом такого негодяя?

– Он держался грубо и презрительно, но я тоже его доводила. Надо же было как-то мстить.

– Как доводили? – не понял я.

Айрленд усмехнулась.

– Ну, у него свои больные темы. Например, ему страшно действовало на нервы, когда собеседник постукивал ногой о пол. Бикмен багровел и едва сдерживался, чтобы не вспылить.

– Ясно.

– Поэтому, когда он меня оскорблял, я барабанила ногой и смотрела, как у него на шее надуваются жилы.

Брови у меня поехали на лоб.

– А однажды он проговорился, что готов полезть на стенку, когда обливаются духами или одеколоном. Я тут же завела в своем столе пузырек духов и как только видела, что он рассматривает женскую задницу, пшикала себя с ног до головы и шла к нему в кабинет, сделав вид, что мне нужна помощь со статьей.

– Креативно, – похвалил я.

– А то.

Похоже, Айрленд Сент-Джеймс – та еще озорница... Отчего-то это показалось мне очень сексуальным.

Официант вернулся принять наши заказы. Мы так и не заглянули в меню.

– Вы уже решили?..

Айрленд протянула ему меню.

– Вообще-то я не останусь на обед, так что вам достанется только мистер Лексингтон.

– Хорошо, – официант кивнул и повернулся ко мне: – Что вам принести, сэр?

– Мне нужно еще несколько минут.

Когда официант отошел, я приподнял бровь.

– Вы не голодны?

– Я всегда голодная, но мне нужно поменять проколотое колесо и дотащить до мастерской. Соседка до трех часов работает, а потом она подбросит меня домой, чтобы мне не сидеть в мастерской, – в прошлый раз техники провозились несколько часов. Раз я теперь снова телеведущая, меня ждет масса дел.

Я кивнул.

– У вас есть членство в «AAA» ¹?

Не знаю, какого лешего я это спросил. Неужели я собрался закатать рукава своей дорогой рубашки и поменять ей колесо?

– Нет, но я умею ставить запаску, я это уже делала, – Айрленд засмеялась. – Я когда-то встречалась с парнем, который пробил крышку, пока вез меня домой. Менять он ничего не умел, поэтому колесо ему заменила я.

Я улыбнулся.

– Готов поспорить, на второе свидание он вас не позвал.

Айрленд допила мерло.

– Разумеется, нет.

На мгновение я живо представил, как Айрленд меняет колесо, не приодетая для свидания со случайным кавалером, а в ультракоротких джинсовых шортиках и ковбойке, завязанной на груди и обнажающей загорелую кожу. Волосы у нее были собраны в хвостики, и на щеке остался черный след смазки. Эта смазка возбуждала как не знаю что.

Я встряхнул головой и хрипло сказал:

– Я сообщу в офисе, чтобы вас ждали на работу.

Айрленд встала. Я тоже поднялся. Она протянула руку.

– Спасибо, что вмещались. Вы спокойно могли ничего не делать, особенно после хамских писем, которыми я забросала вас по электронке.

Я одновременно кивнул и покачал головой.

Айрленд подхватила сумку и пошла к выходу, но остановилась и обернулась.

– Да, я дала вам телефон... Вы же понимаете, что теперь я не могу с вами встречаться.

– Конечно, – я улыбнулся. – Как выяснилось, вы все равно не мой тип.

¹ Американская ассоциация автолюбителей (здесь и далее примечания переводчика).

Айрленд прищурилась.

– А какой же такой у вас тип, позвольте узнать?

– Не заноза в заднице, мисс Ричардсон. Хорошего вам дня.

Айрленд

– Вид как у чокнутой, – заявила Миа, взглянув на мою шапку. Шапка сидела криво, оба выступа торчали как попало, что придавало мне вид бездомного шута, не говоря уже о том, что сегодня обещали двадцать четыре градуса. Но я надеваю шапку каждый день, когда еду на работу.

– Ты просто завидуешь тому, что тетя Опал для тебя не вяжет.

– Я люблю твою Опал, но только радуюсь, что твоя почти слепая тетка не включила меня в список одаряемых вязаными шедеврами на Рождество.

Открыв пассажирскую дверцу, я взяла сумку.

– Спасибо, что встала ни свет ни заря и подвезла меня. Я не хотела связываться с такси и рисковать опоздать на работу в первый же день возвращения. Короче, я у тебя в долгу.

– И уже давненько! Запишу на твой счет.

– Спасибо.

– Когда тебя забрать?

– Не заморачивайся, меня подвезут, или я вызову такси до мастерской, а там пересяду на свою машину. Увидимся дома.

Звонили из мастерской, сообщили, что мне срочно нужно чинить тормоза и регулировать сход-развал. Таким образом, пробитое колесо подарило мне два безлошадных дня.

– Точно? В СПА меня сегодня подменят. Я вообще не знаю, чем заняться: Кристиан отговорил меня собственноручно проводить процедуры, теперь я только управляю заведением. Я вполне могу тебя забрать, можем даже пообедать. Или давай я отвезу тебя в салон, и закажем парный массаж! Будет мой подарок.

Миа владела популярным СПА-салонем, где делали чистку лица, инъекции ботокса, массаж и лазерную обработку кожи. Ее жених настаивал, чтобы Миа научилась быть руководителем, а не рабочей пчелкой и открыла второе СПА.

– Да я-то с удовольствием, но я наверняка задержусь, мне нужно многое нагнать. Давай, может, поужинаем дома, когда я приеду?

– Не могу, – сморщила нос Миа, – я обещала Кристиану приготовить его любимые тортеллини а-ля Миа.

– Это как?

– Тортеллини в сливочном соусе. Он обожает соус, и я разрешаю мазать им меня, когда он кончит...

– Слишком много информации, подруга, – я засмеялась. – Давай без подробностей. Стоп, твой Кристиан же прилетает только завтра?

– А он билеты поменял, – Миа улыбнулась улыбкой невесты за три недели до свадьбы. – Сказал, что соскучился и не выдержит еще одну ночь без меня. Он прилетит сегодня последним рейсом. К утру он меня, наверное, просто расплющит.

Я сделала вид, будто меня вот-вот стошнит. Но если честно, я завидовала отношениям подруги с ее женихом. Раньше я бы не поверила, что мужчина станет так рваться к подруге с трехлетним стажем, но Кристиан по-прежнему был по уши влюблен в Мию, как в первые дни знакомства.

Я выбралась из машины и нагнулась, придерживая дверь. Миа погрозила мне пальцем:

– Будь умницей и не пиши откровенных писем никаким генеральным директорам!

Ну все, она до смерти будет вспоминать мои имейлы.

– Зато у меня опять есть работа.

Подруга покачала головой.

– Ума не приложу, как это тебе удалось!

Я не стала признаваться, что мне это и самой неясно.

* * *

– Отличное шоу, Айрленд!

– Спасибо, Майк.

Первый эфир за две недели здорово взбодрил; адреналин курсировал по жилам, подгоняя приниматься за завтрашние новости. Во мне снова проснулось чувство гордости за свою работу.

Взволнованная Сирена робко сунула голову в мой кабинет.

– Привет! Я, это, хотела объяснить... расставить точки... Ты же понимаешь – я тут ни при чем, это все Бикмен! Я была просто в шоке, когда он подошел и шепнул, что меня повышают!

Можно было сделать вид, будто я скушала эти сказки, и вести себя как ни в чем не бывало, но щенков принято учить – для их же пользы.

– Зайди-ка. И дверь прикрой.

Сирена послушалась, но осталась стоять почти на пороге.

Я показала на стулья для посетителей.

– Присаживайся.

Бедняжка побледнела. Она всячески заискивала перед Бикменом и наверняка пришла в восторг, когда начальник поднес ей мою должность на блюдечке. Но в итоге это он злоупотребил служебным положением, а Сирена выходила белой и пушистой... ну разве что нарушившей неписанный закон о женской взаимовыручке.

Я вздохнула.

– Многие считают, что красивой женщине можно не напрягаться, чтобы получить желаемое. Когда она сидит в баре в расчете на выпивку или в хозяйственном затрудняется определить, какой переходник для водопроводных труб ей покупать, это правда. Но на работе все иначе. Красивой женщине зачастую приходится стараться вдвое больше, чтобы доказать – она чего-то стоит, потому что, к сожалению, еще попадаются мужчины, не умеющие видеть дальше обложки. Возможно, из тебя выйдет хорошая тележурналистка, но пока тебе еще учиться и учиться. Я в твоём возрасте тоже ничего не умела. А когда ты делаешь ставку на мужиков типа Бикмена и получаешь должность, которой ты не соответствуешь, ты обесцениваешь и себя, и свой пол. Нам нужно держаться вместе, а не пользоваться своей красотой в ущерб друг дружке.

Сирена долго сидела, опустив голову, а потом посмотрела на меня мокрыми глазами и кивнула.

– Ты права, мне было не по себе, когда он мне сказал. Это назначение казалось мне незаслуженным... потому что я его не заслужила.

– Я не говорю, что я никогда не прибегала к кокетству: наша экспедиция отправляет завтрашним днем все, что отдано позже трех часов, и я вдоволь наулыбалась и нахлопалась ресницами перед Джорджем, чтобы мои письма уходили в половине пятого. Но будь осторожна с мужчинами на руководящих позициях, которые осыпают тебя незаслуженными привилегиями: они рассчитывают на твою благодарность, причем отрабатывать будешь так, как тебе совсем не понравится.

– Спасибо, Айрленд.

– Обращайся.

Через час на столе зазвонил телефон. Высветившееся на дисплее «Грант Лексингтон» меня удивило: не успели заговорить о начальстве, как на тебе... Я закрыла ноутбук, уселась поудобнее и взяла трубку.

– Чему обязана честью?

– Я звоню узнать, как у вас дела, нормальной ли вы нашли обстановку по возвращении, – по телефону его звучный голос казался более резким. Несмотря на прочитанную Сирене нотацию, я подумала: «Хм, хотела бы я услышать этот голос поздно ночью, когда руки у меня под одеялом».

Прогнав эту мысль, я решила повредничать:

– Вы обзваниваете всех сотрудников не своего подразделения?

– Только тех, которые в пьяном виде присылают мне имейлы, а я сдуру снова принимаю их на работу.

Я улыбнулась.

– Туш.

– Так как у вас дела?

– Прекрасно. Уход Бикмена никого не огорчил, утренние новости прошли без сучка и задоринки.

– Да, эфир был замечательный.

– Вы смотрели?!

– Смотрел.

– Вы смотрите новости в шесть утра?

– Обычно нет.

– А сегодня решили посмотреть, потому что...

В трубке наступила тишина – «Мистер Президент» не собирался договаривать за меня. Любопытно. Он мог отговориться, что включил новости, желая убедиться, все ли в порядке, или счел себя обязанным проконтролировать, потому что он генеральный директор, черт побери. Но отсутствие внятного повода наводило на мысль, что он включил утренние новости, чтобы увидеть меня, а вовсе не по причинам профессионального порядка.

Но, может, я сделала чересчур поспешные выводы?

– Вот что, – сказал наконец Грант Лексингтон. – Я звоню пригласить вас в недавно созданную мною комиссию.

– Что за комиссия?

Он кашлянул.

– Комиссия, э-э... по улучшению рабочего климата для женщин.

– Вы возглавляете инициативу за улучшение рабочей обстановки для женщин?!

– Да. Почему вас это удивляет?

– Ну, хотя бы потому, что вы не женщина.

– Весьма сексистское высказывание. Или вы намекаете, что мужчине нечего предложить для улучшения условий работы женщин?

– Нет, но...

– Если вы слишком заняты...

– Нет-нет-нет, я совсем не занята и с удовольствием войду в комиссию. Что надо делать, когда собрание?

– Моя секретарь свяжется с вами и сообщит детали.

– О-о-о'кей, я согласна. Спасибо, что вспомнили обо мне.

– Угу. Ну, до свидания, Айрленд.

Он почти оборвал разговор, но это было даже хорошо, потому что мне начало нравиться с ним говорить.

Грант

– Милли! – крикнул я, не вставая из-за стола.

Секретарша вбежала в кабинет.

– Да, мистер Лексингтон?

– Мне нужно создать комиссию.

Бровки Милли недоуменно сошлись на переносице – она прекрасно знала, что я избегаю любых комиссий как чумы.

– Как скажете. Какого рода комиссию, кто в ней будет участвовать?

Я покачал головой и пробурчал в ответ:

– Целью рабочей группы будет улучшение офисного климата для женщин.

Брови Милли взмыли к волосам. Признаться, я и сам офигел.

– Хорошо, – нерешительно ответила секретарша, будто ожидая подвоха. – Вы уже решили, кто войдет в эту комиссию?

Я махнул рукой.

– Наберите женщин, все равно каких. Вон хоть сестру мою Кейт пригласите, она обожает совещания.

– Вам все равно, кто будет в комиссии?!

– Все равно. – Я пододвинул к себе бумаги и принялся их перебирать, не подавая вида. – Пожалуй, включите и Айрленд Сент-Джеймс.

– Ту женщину, которая прислала вам обезглавленные цветы?

После такого изложения мне действительно показалось ненормальным с бухты-барухты создавать комиссию и приглашать особу, которая поотрывала бутоны у дорогих роз и ушла с обеда, прежде чем я успел что-нибудь заказать.

– Ее самую, – вздохнул я.

– К какому числу организовать комиссию?

– Как можно быстрее.

– У вас уже есть повестка для первого собрания?

– Пишите какую-нибудь женскую ерунду, вы лучше моего разбираетесь. Придумайте сами.

Милли, по-моему, готова была подойти ко мне ближе и пощупать лоб. Может, меня и в самом деле лихорадит? Может, я заболел, а не потерял голову? Это было бы куда лучше. Я пригладил волосы. Комиссия по женским инициативам? Стать участником такого начинания мне хотелось не больше, чем защемить кошонку в тиски, однако я только что заявил о готовности возглавить рабочую группу.

Да что за чертовщина?!

Айрленд Сент-Джеймс, вот что за чертовщина. За всю мою жизнь мне не приходилось лезть из кожи вон, чтобы поговорить с женщиной, однако этой я позвонил узнать, как у нее дела, и на ходу сочинил какую-то комиссию, когда Айрленд спросила о причине моего звонка. Стресс, переработка – кто его знает, может, у меня обыкновенный нервный срыв.

Пока я соображал, не смотаться ли по-быстрому к врачу, секретарша стояла у стола, глядя на меня как на двухголового. Я взял одну из папок и многозначительно посмотрел на Милли.

– Что-нибудь еще?

– Нет, сэр, пожалуй, у меня достаточно информации.

– Отлично, тогда пока все.

На пороге Милли остановилась и обернулась.

– Принесли сегодняшнюю корреспонденцию, не взглянете ли на новое письмо?

– Выбросите его в мусор! – рявкнул я.

– Будет сделано. Вы не забыли о вечерней фотосессии?

Моя растерянность подсказала Милли, что я, блин, ни малейшего представления не имею, о чем идет речь, поэтому секретарша поспешила дополнить:

– У вас сегодня интервью и фотосессия для журнала «Современный предприниматель». Запланированы несколько месяцев назад и значатся в вашем календаре.

Блин, фотосъемки и интервью вместе с комиссией по созданию благоприятного климата для женщин на работе стояли в моем списке дерьма ну просто подряд – я абсолютно не интересовался этими темами.

– Во сколько?

– В половине пятого, на «Лейлани».

Я взглянул на часы. Расчудесно. У меня час на шестичасовой объем работы.

* * *

Человек шесть уже торчали на пристани возле «Лейлани», когда я приехал в марину ровно в половине пятого, минута в минуту. Должно быть, гости подтянулись заранее.

Смутно знакомая рыжая женщина улыбнулась при моем появлении.

– Мистер Лексингтон, я Аманда Кадет! – Она протянула мне руку. – Как приятно снова вас видеть!

Снова? Это объясняло, отчего она кажется знакомой, но я, хоть убей, не помнил, где мы встречались. Должно быть, на каком-то официальном мероприятии.

– Взаимно. Пожалуйста, зовите меня Грант.

– А вы меня Амандой!

Я оглядел чертову прорву оборудования.

– Вы что, переезжаете?

Аманда засмеялась.

– Мы привезли побольше фото- и видеооборудования, не будучи уверенны, где будет проходить фотосессия. На всякий случай мы захватили даже бутафорию и несколько холщовых фоновых щитов... Но, как я вижу, мы смело можем все убирать обратно в фургон, – она повернулась, чтобы поглядеть на мою яхту. – Ваша красавица великолепна, а окружающий пейзаж даст фору любым декорациям.

– Спасибо. Яхта работы моего деда, первое судно, которое он построил. Шестидесят пятый год.

– О, а на вид как новенькая!

Я кивнул на «Лейлани Мэй»:

– Давайте я покажу вам яхту, решите, где вам снимать.

Я устроил Аманде коротенькую экскурсию. Двадцатиметровой яхтой-кечем мог залюбоваться даже профан. Темно-синий корпус, отделка гладеньким глянцевым тиком, кремовая обивка, кухня из нержавеющей стали – и капитанская каюта роскошнее большинства апартаментов, а рядом три гостевых. Шестидесятилетняя яхта больше походила на интерьер «Виньярд вайнс».

– Ну, что скажете? Где устроим фотосессию?

– Признаться, отличные снимки получатся где угодно. И яхта – красавица... – Аманда подняла накрашенный ноготь к нижней губе, привлекая мое внимание. – И объект съемки – просто мечта... Эта обложка поднимет журналу продажи.

Аманда Кадет знала, что красива, и хорошо умела пользоваться своей красотой, чтобы получить желаемое. Впрочем, чего бы она от меня ни хотела – сенсационных признаний или

моего языка между ног, этого ей не видать: где работаешь, там не... Я едва не засмеялся при этой мысли, вспомнив, как плясал сегодня вокруг некоей Мисс Бюст с пляжей Арубы.

Я жестом предложил Аманде первой выходить из каюты.

– А давайте пройдем на корму и сядем у левого борта, на фоне бухты?

– Давайте.

Битый час я позировал так и сяк, всей душой ненавидя каждую секунду этого занятия, однако держал свое презрение при себе. Когда они нащелкали достаточно снимков, чтобы оклеить, при желании, стены моего кабинета, Аманда велела всем собираться.

– Я могу записать интервью, – предложил оператор.

Фотосессия задумывалась для печати, но довольно часто репортеры снимали процесс на камеру, чтобы потом повторно прослушать фрагменты, ускользнувшие от их внимания.

Аманда прошлась по мне взглядом.

– Не надо, я и сама прекрасно справлюсь.

Когда съемочная группа уехала, мы остались вдвоем на задней палубе.

– Итак, часто ли вы приезжаете на вашу яхту? У моего брата, хирурга-ортопеда, яхта «Карвер» пятидесяти футов в длину стоит в бухте Сан-Диего. Кажется, за прошлый год брат съездил туда два раза.

Правдивым ответом на вопрос Аманды было «каждый чертов день», но я предпочитал держать подробности личной жизни при себе. Тот факт, что я жил на «Лейлани Мэй», не был предназначен для ушей журналистки и еще того меньше – для ее читателей.

Я покивал, словно хорошо понимая ее брата.

– Недостаточно часто.

– Мне очень по сердцу, что вы бережно храните первую яхту вашего дедушки. По-моему, вещи, которыми человек дорожит, многое о нем говорят.

Знала бы она хоть половину...

– Эта яхта послужила основой нашей семейной компании.

– Как так?

– Это первая модель, которую построил дед. Заказы он начал брать в рамках «Судов и яхт Лексингтона». Тридцать лет спустя компанию превратили в открытое акционерное общество, а моя семья взялась развивать бизнес в смежных областях. Отец начал издавать спортивный журнал, дед прикупил еще несколько изданий, и все это вылилось в покупку новостного телеканала и сети кинотеатров. Так что без этой яхты вам бы не захотелось брать у меня сегодня интервью.

Аманда сверкнула мне кокетливой улыбкой.

– Что-то мне подсказывает, что я все равно захотела бы взять у вас интервью, будь вы генеральным директором одной из ста самых успешных развивающихся американских компаний или уборщиком на этой яхте.

– Ну, я не настолько интересен.

– Мне нравится ваша скромность! – журналистка понимающе подмигнула. – Расскажите о вашем семейном благотворительном фонде. Его основала ваша мама?

– Да, фонд называется «Дом Пии». Мама в пять лет попала в приют, потому что в семье с ней дурно обращались, а потом перекидывали от одних опекунов другим, то есть и психологов ей приходилось часто менять. Консультанты в системе опеки и попечительства вообще меняются со скоростью турникета, потому что платят мало, а нагрузка огромная. Мама чувствовала себя чужой в каждой школе – большинство детей не понимали, что такое приют. Ей было сложно найти того, кто понял бы, через что она прошла. «Дом Пии» – это программа опеки для усыновленных детей, но с той разницей, что «старшие» – сами бывшие приютские дети и хорошо понимают своих подопечных. Фонд обучает волонтеров и оплачивает им и «младшим»

поездки, экскурсии, еду и развлечения. Еще фонд берет на себя большую часть любого займа на обучение у волонтеров или помогает им оплачивать учебу в колледже.

– Это просто поразительно!

Это и вправду поразительно, потому что моя мать вообще была исключительным человеком, но вся эта лабуда есть в интернете, поэтому если услышанное стало для Аманды новостью, двойка ей за домашнюю подготовку.

Я улыбнулся.

– Мама никогда не забывала своего прошлого.

– Вас и ваших сестер тоже взяли из приюта?

Я кивнул. Это тоже можно прочесть в «Гугле» через две минуты поиска.

– Совершенно верно. Папа с мамой стали моими первыми приемными родителями, мне тогда было пять лет. Меня усыновили первым, потом в семье появилась Кейт, за ней Джиллиан. Мы все из приютов. Мама продолжала принимать детей, пока не заболела.

– Я очень сочувствую вашей потере... А у вас есть «младший брат»? Я хотела сказать, участвуете ли вы в программе фонда? Насколько я знаю, нет.

– Отчего же, есть. Ему одиннадцать, под моей опекой будет до двадцатилетия. Мои сестры тоже заботятся о своих подопечных.

– А как его зовут?

О, вот и первый конкретный вопрос. Впрочем, я не собирался называть имя Лео. Отношения между «старшим» и «младшим» – очень личное дело, особенно такие сложные, как у нас с этим пацаном.

– Я не готов делиться информацией о детях, которые участвуют в программе.

– О, конечно, я понимаю. Они же несовершеннолетние. Простите, не подумала.

Следующие полчаса мы говорили о разной ерунде, которая войдет в хвалебную статейку Аманды: кто и чем руководит в «Лексингтон индастриз», как идут дела у компании, какое направление я намерен выбрать на ближайшие годы. Наконец от Аманды прокатился пробный шар на личную тему.

– Вы не женаты?

Я покачал головой.

– И у вас нет избранницы, которую вы по выходным катаете на этой прекрасной яхте?

– На данный момент нет.

Аманда наклонила голову.

– Очень и очень жаль.

В этот момент у меня зазвонил мобильный. Я взглянул на дисплей.

– Это из офиса. Извините, я отвечаю.

– Конечно-конечно.

Я провел пальцем по экрану, отлично зная, кто на линии, и отошел от журналистки на несколько шагов.

– Здравствуйте, мистер Лексингтон, это Милли. Я уже понемногу собираюсь домой. Вы хотели, чтобы я позвонила вам в шесть часов и напомнила о времени.

– Да-да, отлично. Спасибо. – После того, как секретарша положила трубку, я еще некоторое время прижимал телефон к уху и наконец повернулся к журналистке: – Простите, через несколько минут у меня зарубежный звонок. Мы уже можем завершить интервью?

– О, конечно, никаких проблем. – Аманда встала. – Я услышала все, что мне нужно...

«Для своей дурацкой статейки, нудной, как зубная боль».

– Ну, прекрасно. Благодарю вас.

Аманда убрала в сумку блокнот и выудила визитку. Написав что-то на обороте, она подала ее мне, игриво наклонив голову.

– Я написала свой домашний телефон. – Она улыбнулась. – Обожаю морские прогулки!

Я тоже улыбнулся, будто польщенный ее авансом.

– Буду иметь в виду, когда соберусь выйти в море.

«Учитывая, что яхта стоит на приколе уже больше восьми лет, ждать тебе, Аманда, морской прогулки до седых волос».

Подав Аманде руку, я помог ей спуститься на пристань. Забросив на плечо ремень сумки, журналистка обернулась посмотреть на золотые буквы поперек темно-синего корпуса.

– «Лейлани Мэй», – прочла она вслух. – А в честь кого названа яхта?

Я ей подмигнул.

– Простите, интервью окончено.

Грант – 15 лет назад

Я не мог отвести от нее глаз.

Снег валил густой пеленой. Новенькая кружилась у крыльца босиком, раскрыв рот и высунув язык. Когда ей удавалось попробовать снежные хлопья, она смеялась.

Лили.

Как лилия. Нужно где-то достать этих лилий и узнать, чем они пахнут. Я не был таким дураком, чтобы верить, будто Лили будет пахнуть лилией, но отчего-то не сомневался, что ее запах будет лучшим на свете.

Я смотрел из окна во двор с болезненным, сосущим стеснением в груди. Логически под ложечкой могло занять от горячих сэндвичей с сыром и томатного супа, которыми мама кормила нас за обедом, но я понимал, что настоящая причина в другом. Даже в четырнадцать лет я знал, что такое любовь. Еще час назад не знал, пока в дверь не позвонили, зато сейчас уже не сомневался.

Лили.

Лилия.

Лилия Гранта.

Даже звучит красиво, правда?

Грант и Лили.

Лили и Грант.

Если у нас будут дети, они тоже получат цветочные имена – Роза, Мелисса... Стоп, Мелисса – это вроде не цветок? Ну и ладно.

Разберемся.

Я буквально прилип к окну отцовского кабинета. На стекле возникло мутное пятно от моего дыхания, и я вытер влагу рукавом толстовки. Это движение привлекло внимание Лили. Она перестала кружиться, приставила к глазам ладони козырьком и вгляделась. Надо было отпрянуть от окна, чтобы она меня не заметила, но я застыл столбом, по уши очарованный этой девчонкой.

Она что-то прокричала, но я не расслышал через закрытое окно. Поэтому я отпер шпингалет и чуть отодвинул створку.

Мне пришлось откашляться, чтобы голос снова начал повиноваться.

– Ты что-то сказала?

– Да! Я спрашиваю, ты что, подглядывать любишь?

Черт, только этого не доставало! Теперь она точно сочтет меня с приветом. Сначала я пулей вылетел из комнаты, когда моя мать познакомила Лили с нами, а теперь новенькая застала меня за таким занятием. Надо остаться хладнокровным и не подавать виду, что я смутился.

– Нет, – заорал я в ответ. – Мне просто интересно, когда ты отморозишь пальцы на ногах, они почернеют и отвалятся? Ты что, не смотрела «Послезавтра»?

Лили помотала головой.

– Я никогда не ходила в кино.

Я вытаращил глаза.

– В кино не ходила?

– Не-а. Моя мать не любит кино и телевизор. Она говорит, телевидение зомбирует.

– А вот если бы посмотрела «Послезавтра», ты бы обулась.

Она улыбнулась, и мое сердце перестало биться нормально – оно будто сделало мгновенное сальто в тот момент, когда сверкнули ее жемчужные зубы. Я потерял грудь слева, хотя там вовсе не болело.

Глядя на Лили, я крикнул:

– Эй, сделай так еще раз!

– Что сделать?

– Улыбнись!

Ошибки не было – сердце вновь начало вытворять непонятные штуки.

Лили огляделась.

– Ты слышал?

– Что?

– Звон бубенцов.

Неужели мы оба фантазеры?

– Да нет, все тихо.

Она пожала плечами.

– Вдруг это Санта проехал? Говорят, что вы, богачи, верите в Санта-Клауса лет до тридцати, будто он вам подарки на Новый год приносит!

Вдруг на крыльце загорелся свет, и я услышал мамин голос:

– Лили? Что ты тут делаешь? Скорее в дом, простудишься!

– Да, миссис Лексингтон. Я просто вышла посмотреть на снежные хлопья. Я еще никогда не видела снега.

– О Господи... Иди скорее в тепло. Нужно тебя одеть. У Кейт найдутся лыжный костюм и ботинки, которые придется как раз впору... И шапка.

Лили подняла голову и еще раз улыбнулась мне.

Сердце у меня замерло в третий раз.

Черт... Ну кто мог знать, что любовь способна принести столько боли?

* * *

На следующее утро я нигде не мог ее найти. В первый день мама обычно отправляла новеньких со мной на автобусе, а потом я провожал их в кабинет, где мама, закончив все формальности, уже говорила со школьным психологом.

Я насыпал хлопьев в тарелку и достал молоко из холодильника, но когда ставил пакет обратно, из-за двери в гараж послышался гулкий удар. Отправив в рот ложку «Голден грэмс», я с тарелкой в руке пошел посмотреть, что там происходит.

Открыв дверь, я чуть не поперхнулся.

– Что ты делаешь?

Лили посерьезнела, будто искренне смутившись моему вопросу.

– Рисую. Ты не видел, как люди рисуют?

– Больше похоже, что ты себя раскрашиваешь.

Лили стояла перед мольбертом, густо покрытая разноцветными каплями. На ней была длинная футболка, прикрывавшая задницу (правда, там же и заканчивавшаяся), и я не мог отвести взгляда от ее ног, где было меньше краски, чем на верхней половине туловища. Ноги были удивительно длинными и гладкими – я еще не видел такой длинноногой девчонки. Мне вдруг захотелось подхватить Лили на руки и проверить, сможет ли она скрестить ноги за моей спиной.

Я спохватился, только когда она сказала:

– У тебя капает.

Я вытаращил глаза.

– Чего?!

Она улыбнулась и кивнула на мою тарелку. Оказывается, я держал ее криво, и молоко капало мне на обувь.

– Блин, – я поспешил выровнять тарелку.

Лили засмеялась. Господи, какая красивая девчонка! Длинные черные волосы, загорелая кожа – посреди зимы-то! – и огромные карие глазки. И еще Лили была высокой, всего на несколько дюймов ниже меня. С восьмого класса, когда за лето я вырос на четыре дюйма, большинство девчонок не доставали мне даже до плеча, а Лили доставала. Отчего-то это казалось правильным, что она такая высокая, будто она и должна была выделяться из всех девчонок в школе.

Встряхнув головой, чтобы привести в порядок мысли, я спросил:

– А моя мать знает, что ты тут рисуешь? Автобус через пятнадцать минут!

Лили сморщила нос:

– Какой автобус?

– Ну как же, школьный! Уже семь часов!

– Утра?

Тут уже я растерялся.

– Ну а чего же еще? Или ты думала, сейчас ночь?

– Да. Значит, я рисовала всю ночь и забыла о времени... – Лили пожала плечами. – Со мной бывает.

Я переступил порог и обошел мольберт.

– Ты сама нарисовала?

– Да, только это плохо.

Я вытаращил глаза. Абстракция на холсте с какими-то переплетающимися цветами выглядела достойной музея (по-моему).

– Это ты не видела, какую фигню я выдаю на уроке рисования.

Лили улыбнулась, и у меня снова перехватило дыхание.

– Мама однажды возила меня на Гавайи. Там удивительные, невероятные цветы... Я люблю рисовать только цветы. – Она повела плечом. – Это у меня такая одержимость. Я всем своим цветам даю имена. Это вот Лейлани – на гавайском диалекте «райский цветок» и «божье дитя». Там это популярное имя. Мою бабушку звали Ива, мать – Роза, а я – Лили. Сплошная природа. Если у меня когда-нибудь будет дочка, я назову ее Лейлани.

Ого! У меня по спине даже мороз пробежал. Я тоже собирался назвать будущих детей именами цветов, только думал не о детях Лили, а о наших общих детях.

– Лейлани, – повторил я. – Звучит.

Лили закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Лей-ла-ни... Скажи, красиво?

– Ты тоже красивая, – вырвалось у меня. Ну, не совсем вырвалось – я всего лишь констатировал правду, просто я не ожидал, что скажу это сейчас.

Лили положила кисть на мольберт, обтерла руки о футболку и подошла ко мне вплотную, нарушив личное пространство. Волоски у меня на теле поднялись, ладони тут же вспотели. Да что за чертовщина со мной творится? Я и раньше флиртовал с девчонками, но рядом с Лили меня просто начинало трясти.

Приподнявшись на мыски, Лили нежно поцеловала меня в щеку.

– Кажется, это первая приемная семья, где мне понравится.

«Мне тоже понравится, если тебе у нас понравится», – подумал я.

Айрленд

– О, отлично, еще не начали, – запыхавшаяся женщина в сером костюме села рядом со мной за длинный стол. – Я слышала, он ярый ревнитель пунктуальности.

– Грант? – уточнила я.

Она неодобрительно нахмурилась.

– Мистер Лексингтон.

Ну да, мистер Лексингтон. Будучи просто молодым человеком, с которым я собиралась закрутить, он был Грантом, но теперь снова стал мистером Лексингтоном.

– Заходила его секретарша, он опаздывает на несколько минут, – объяснила я.

– Слава богу, – женщина с облегчением улыбнулась. – Мне дочка позвонила, пришлось побыть арбитром в споре за щетку для волос... – Она подала руку. – Я Эллен Пассман, главный бухгалтер из финансового отдела.

Я пожала ей руку.

– Айрленд Сент-Джеймс, ведущая новостей. Можно Ричардсон, это мой рабочий псевдоним.

– О, я вас знаю, я обожаю вашу передачу!

Я улыбнулась.

– Спасибо.

– Меня эта новая инициатива с комиссией привела в восторг, жаль только, что о совещании сообщили в последнюю минуту. Сейчас конец месяца, в бухгалтерии горячая пора...

Любопытно, как эта комиссия с ходу образовалась после звонка Гранта. Я не могла избавиться от абсурдной мысли, что свой «благоприятный климат» он придумал прямо во время разговора со мной. Это, конечно, нелепо и попахивало чрезмерным самомнением, однако догадка не давала мне покоя.

– Когда вас пригласили? – осторожно спросила я.

– Сегодня утром, а вас?

– Несколько дней назад. Вы получили повестку собрания или какие-нибудь документы?

– Нет, ни строчки.

Атмосфера в кабинете изменилась, и я, еще не повернув головы, поняла, кто вошел. В дверях стоял Грант Лексингтон и вице-президент компании, руководитель отдела новостей Кейт Бентон, начальница моего начальника – и сестра Гранта. Он оглядел комнату, и его взгляд зафиксировался на мне, будто он нашел то, что искал. Ерунда какая-то.

Взгляд был настолько пристальным, что я заерзала на стуле.

– Простите, задержался, – объявил он. – Спасибо всем, что откликнулись на наше приглашение. – Он повернулся к сестре. – Кейт вы, конечно, знаете, она вице-президент нашего телеканала...

Участницы совещания принялись благодарить мистера генерального. Я промолчала, наблюдая за происходящим. За столом оставалось несколько свободных мест – во главе стола, на противоположном конце с моей стороны, напротив меня и слева от меня. Без единого слова Кейт двинулась к свободному месту через несколько кресел от меня. У меня возникло ощущение, что Грант Лексингтон автоматически занимает место председателя в каждом кабинете, где появляется.

Но тут он меня удивил. Грант отставил стул во главе стола и жестом пригласил сестру присесть:

– Кейт.

Очень удивленная, Кейт Бентон тем не менее вернулась и села, где предложено. Грант расстегнул пиджак и уселся рядом со мной. Устраиваясь, он подался ко мне и шепнул:

– Рад вас видеть, Айрленд.

Я кивнула. Никто из присутствующих вроде бы не считал это странным – мало ли, что генеральный директор сел рядом со мной, придвинув стул в мою сторону. Я надеялась, что никто не обратил внимания, как у меня голова пошла кругом от запаха Гранта: он пахнул чистотой, но с горьковатой мужской ноткой.

Следующие полчаса я старалась не обращать внимания на соседей за столом и не ерзать, но мне пришлось взглянуть на Кейт, когда она взяла слово, то есть профиль Гранта оказался непосредственно на линии моего взгляда. Я невольно обратила внимание, какое загорелое у него лицо, а на висках тянутся светлые линии от дужек очков. Грант не производил впечатления любителя свежего воздуха, но, похоже, много времени проводил на солнце. Зачесанным назад волосам не помешали бы ножницы парикмахера – пряди касались воротника рубашки. На подбородке уже намечалась щетина, хотя было всего десять утра, и я невольно подумала, неужели Грант бреется с вечера или у него столько тестостерона, что борода начинает пробиваться спустя пару часов после того, как этот парень отложит бритву?

Интуиция подсказывала – второй вариант.

Видимо, почувствовав мой взгляд, Грант повернул голову и уставился на мои губы. Я смутилась и нехотя перевела глаза на Кейт, но успела заметить, как дернулся уголок рта у мужчины, смотревшего на меня, прежде чем он повернулся к своей сестре.

– Прошу по очереди предлагать пункты повестки дня следующего собрания, – предложила Кейт. – Очень хочу услышать, какие проблемы «Лексингтон индастриз» наши сотрудницы считают наиболее актуальными.

– Прекрасное предложение, – одобрил Грант.

Посыпались самые неожиданные ответы. Одна участница комиссии заявила о необходимости завести комнату для кормления грудью. Другая подняла вопрос о том, как трудно совмещать семью и работу и как гибкий график помог бы работающим мамашам и папашам. Дама в возрасте горячо ратовала за равную оплату для мужчин и женщин на аналогичных должностях, сняв эту тему у меня с языка – у меня в этом вопросе уже имелся некоторый личный опыт. Две женщины предпочли пропустить свою очередь, сказав, что им нужно подумать, а следующей за ними оказалась я. Я уже хотела поддержать пожилую коллегу, возмущившись разницей в зарплате по гендерным причинам, но почувствовала на себе взгляд Гранта и в последний момент решила малость его разыграть.

– Нужно обратить самое серьезное внимание на проблему харассмента, когда непосредственный начальник... или начальник начальника приглашает подчиненную на ланч.

Гранту удалось удержать лицо, но я заметила, как у него на щеке дернулся мускул.

– Безусловно, – поддержала меня Кейт. – Подобного допускать нельзя.

Грант кашлянул.

– Я за ланчами решаю массу вопросов. Отчасти это происходит по необходимости, потому что в сутках всего двадцать четыре часа. Вы намерены решительно положить конец практике совместных обедов?

– Отнюдь, – возразила я, обращаясь непосредственно к нему. – Но это щепетильный момент. Зачастую женщине сложно определить, желает ли мужчина, пригласивший ее на ланч, обсудить сугубо деловые вопросы.

Грант несколько долгих секунд смотрел мне в глаза и наконец кивнул.

– Хорошо. Добавьте это в повестку следующего собрания. – Он резко встал. – Итак, начало положено. Я попрошу секретаря напечатать протокол совещания и назначить дату следующей встречи.

Кейт растерялась не меньше остальных, сидевших за столом, но у меня возникло впечатление, что она привыкла к порывистости своего брата. Она поспешила сгладить неловкость.

– Да-да, мы всем благодарны за уделенное время и дружную поддержку нового начинания. Давно пора уделить должное внимание многочисленным потребностям женщин на рабочих местах... Наша комиссия способна принести много пользы «Лексингтон индастриз». Спасибо всем, кто сегодня пришел.

Я осталась сидеть, когда все начали подниматься и выходить из кабинета, и невольно подслушала разговор Гранта и Кейт.

– Ты три часа назад придумал эту комиссию, накропал жиденькую повестку дня и усадил меня в председательское кресло брать идеи с потолка, но как только я запустила процесс, тебе стало скучно? – Кейт покачала головой. – Сделай одолжение, воздержись на будущее от подобных инициатив. – Она собрала лежавшие перед ней бумаги, встала и вышла.

Я тоже поднялась и направилась к двери, чувствуя, что Грант идет следом. В коридоре он незаметно взял меня под локоть и повел вправо.

– Можно вас на минуту? – тихо сказал он.

– Хотите послушать мое мнение о сексуальном харассменте? – я хитренько улыбнулась. У Гранта напрягся подбородок.

Через минуту мы подошли к его кабинету. У двери Грант жестом пригласил меня войти первой.

– Это я проявляю хорошие манеры. Надеюсь, вы не сочтете это харассментом?

С порога Грант обратился к своей помощнице, а я рассматривала обстановку. Просторный кабинет оказался пресловутым угловым офисом с окнами от пола до потолка на две стены, с очень мужским, темного дерева письменным столом в центре и отдельной гостинной зоной. Мое внимание привлекла фотография на тумбочке – Грант с сестрами и немолодой женщиной, видимо, матерью, но уточнять, когда Грант вошел в кабинет, я не стала.

Он показал на гостинный уголок.

– Присаживайтесь. – Сев напротив, Грант расстегнул запонку и принялся подворачивать рукав. – Значит, если начальник начальника приглашает вас на обед, это харассмент?

Я засмотрелась на его мускулистое предплечье, но вопрос вынудил меня очнуться и поднять глаза. На совещании я просто валяла дурака, но в глазах Гранта не было иронии.

– Я пошутила. Я просто дразнилась.

– То есть вы не сочли приставанием, когда я пригласил вас на ланч, чтобы обсудить ваше восстановление в должности?

Вообще-то, когда он пригласил меня на ланч, я еще не знала, кто он, однако Грант, судя по всему, действительно беспокоился, что задел мою гордость. Я почувствовала, что пора признаваться, и отрицательно покачала головой:

– Ничуть. Харассмент – это бесцеремонное сексуальное домогательство, а вы ни разу не попытались за мной приударить после того, как я узнала, кто вы. Что касается вашего предложения в кафе, оно... вовсе не было нежелательным.

Плечи Гранта расслабились.

– Я хочу извиниться, если я невольно поставил вас в сомнительное положение...

– Ничего, я не в претензии, – искренне ответила я.

Грант, словно избегая смотреть на меня, кивнул, закатал другой рукав и поднялся на ноги.

– Благодарю за честность.

Я тоже встала.

– Пожалуйста.

Возникла странная неловкость – я отчетливо чувствовала, как моему телу нравится быть близко к Гранту. Стоило ему оказаться рядом, как я кожей чувствовала непонятное электрическое напряжение в воздухе. Неужели и Грант ощущает нечто подобное? Но после недавнего совещания подобные мысли были крайне неуместны.

– Ну, до следующего собрания.

Грант кивнул. Казалось, ему хотелось отпустить меня не больше, чем мне хотелось уходить. Тем не менее я пошла к дверям, но, сделав несколько шагов, передумала. Раз уж я высказалась начистоту, пусть и он позволит себе маленькую откровенность.

– Могу я вас кое о чем спросить? – начала я.

– А конкретно?

– Вы придумали женскую комиссию, пока разговаривали со мной по телефону, или этот проект уже находился в разработке?

Грант приподнял бровь.

– А вы от скромности не умрете, Айрленд. Президент многонациональной компании на ходу придумывает актуальнейшую инициативу, лишь чтобы провести немного времени с вами?

Я почувствовала, что краснею, и смущенно засмеялась.

– Да, это было бы невероятно.

Грант шагнул ко мне.

– И крайне неприлично, не правда ли?

Я могла поклясться, что в его глазах мелькнули смешливые огоньки! Что-то воображение у меня сегодня разыгралось... Надо уходить, и побыстрее.

– Безусловно. – Я встряхнула головой. – Ну, мне пора возвращаться к работе.

Сдерживая желание перейти на бег, я подошла к двери и уже взялась за ручку, когда сзади послышалось:

– Айрленд!

Я обернулась. Господи, какой красивый мужчина! Заглядевшись на такого, можно споткнуться на ходу. От таких красавцев лучше держаться подальше, особенно когда на его лице цветет эта дерзкая улыбка.

– Я рад, что мои ухаживания не были вам неприятны. До новых встреч... надеюсь, в ближайшем будущем.

В полном недоумении я вышла в коридор. Что это было? Я призналась, что мне нравятся его ухаживания, а он в ответ признался... в чем?

Повторяя про себя разговор, я направилась к лифтам. Получалось, что я раскрыла свои карты, а вот Грант в принципе ничего существенного не сказал. Более того, когда я спросила, не ради меня ли вся эта петрушка с женским комитетом, он тут же вывернул мой вопрос наизнанку. Я ведь так и не получила прямого ответа, правильно?

Грант

– Значит, женская комиссия? Да ты что, издеваешься?!

Я вздохнул, когда сестрица Кейт без приглашения ворвалась в кабинет.

– Насчет комиссии мы уже все обсудили, чего тебе еще?

– Я не закончила!

– Ну, еще бы, – буркнул я еле слышно.

– Зачем ты вообще вылез с этой инициативой? Должна же быть причина!

Я сделал вид, будто перебираю бумаги на столе.

– Я уже некоторое время обдумывал этот проект.

– Давно? – Кейт прищурилась.

– Что давно?

– Сколько времени ты его обдумывал?

– Порядочно. – Я сгреб бумаги в стопку и принялся выравнивать. Сестра молчала, дожидаясь, пока я на нее посмотрю. Я глубоко вздохнул и поднял глаза.

Кейт сверлила меня взглядом и наконец поинтересовалась:

– Почему я тебе не верю?

– Потому что ты нарциссистка, ненавидящая мужчин, – съязвил я.

– Не поэтому.

Я знал все интонации моей сестры – и взбешенную, когда Кейт считала меня негодяем и начинала терять терпение, и мягкую, человечную, с которой она раньше обсуждала дела, касавшиеся наших родителей. В основном я получал от нее едкие, ехидные комментарии (заслуженные), но только что прозвучавшая интонация означала, что Кейт взяла след и теперь станет копать под каждое слово, доискиваясь скрытых смыслов. Она прекрасно знала цену моим уверениям и кушать бы не смогла, не установив истинной причины, побудившей меня создать этот чертов женский комитет.

Я открыл ящик стола и вынул папку. Бросив ее на стол, я заявил:

– Через пять минут у меня деловая встреча. Отправляйся играть в детектива в свой кабинет. Если чего нароешь, пусть твоя секретарша пришлет служебную записку моей помощнице.

Взгляд сестрицы начал напоминать волчий.

– Ну ты и задница!

Я от души улыбнулся.

– И я тебя люблю, сестренка.

Кейт вытаращила глаза.

– Не забудь, что в пятницу благотворительный вечер нашего телеканала «Один мир». Ты придешь с Арлией?

– Мы с Арлией расстались.

Я мысленно поставил галочку сообщить об этом Арлии.

– Ого!.. Тогда кого ты приведешь?

– Я не обязан приходить на официальные мероприятия с дамой.

– Но раньше ты всегда приходил не один... – Кейт направилась к дверям. – Да, чуть не забыла: женщина, которую ты рекомендовал на место Бикмена, Мадлин Ньютон, предварительную проверку прошла. Я с ней лично говорила, и мы с директором телеканала согласились – она идеально подойдет. Я официально предложу ей повышение в конце недели. Так вот, можешь пригласить Ньютон, если хочешь. Бикмен неизменно посещал такие мероприятия, у нас по-любому окажется свободное место.

– Слушай, прекрасная идея.

Кейт повернулась, собираясь уходить.

– Погоди, – я остановил сестру. – А кого обычно приглашают на эти сабантуи, если у отдела, допустим, нет начальника?

– Никого, – Кейт пожала плечами. – Или исполняющего обязанности.

– Если по уму, официальное предложение лучше пока придержать. – И я начал вдохновенно врать, причем у меня получилось так правдоподобно, что я даже задумался, не угадал ли я, случаем, правду. – Я слышал, Ньютон хотела перейти в «Восточное телевидение». Вот бы выждать с недельку и посмотреть, как она поступит, не получив у нас немедленного повышения! Пробьем ее на лояльность – вдруг она решит не рисковать и не останется с нами!

Сестра удивилась, но поверила.

– О'кей, – отозвалась она, – хорошая мысль. Тогда я не стану приглашать Ньютона в пятницу, чтобы не наводить ее на мысль, будто повышение у нее в кармане. Придется звать временного ИО.

Отлично, Кейт, ты сама додумалась пригласить Айрленд. Я сделал вид, будто остался не в восторге от перспективы встретиться на вечере с ВРИО, разодетой в до чертиков сексуальное платье, и махнул рукой:

– Делай, как знаешь.

Кейт взялась за ручку двери, но я вновь ее остановил.

– И еще, раз уж на совещании всплыла тема сексуального харассмента, мне нужно перечитать нашу внутреннюю политику – вспомнить протокол действий в таких случаях... и как мы поступаем в случае романтических отношений между сотрудниками.

Видимо, я все-таки заврался: брови у Кейт так и подскочили.

– Ты хочешь ознакомиться с внутренней политикой компании?!

– Да, хочу.

– Ну, конечно, все когда-нибудь бывает в первый раз... Разумеется, у нас есть пункты против харассмента, но корпоративные правила не запрещают коллегам встречаться и заводить романтические отношения. Восемьдесят процентов сотрудников либо были свидетелями, либо участвовали в служебных романах, так кто мы такие, чтобы требовать от людей, работающих по девять часов в неделю, отказаться от права на личную жизнь?

Я поскреб щетину на подбородке.

– То есть приведенный мисс Сент-Джеймс пример про начальника, приглашающего подчиненную на свидание, является допустимой практикой?

– Ну как, здесь тоже есть свои подводные камни. Само по себе приглашение коллеги коллеге не вступает в противоречие с законом страны и внутренней политикой нашей компании, но сексуальный харассмент является преступлением согласно седьмому разделу свода законов США, законодательству штата Калифорния и нашей корпоративной политике, запрещающей создание нездоровой рабочей обстановки ввиду полового влечения сотрудника. У руководителя с подчиненной завязываются приятельские отношения, потом они друг друга неправильно понимают, и в результате отказ выйти за рамки становится поводом устроить подчиненной веселую жизнь.

– Спасибо, буду знать, – я кивнул.

Когда Кейт ушла, я поудобнее уселся в кресле и уставился в окно. На работе я еще никогда не макал свое перо в общие чернила. К слову, я вообще недолюбиваю индустрию новостей – мне больше нравится, чтобы моя личная жизнь оставалась сугубо приватной. Однако только что я поинтересовался внутренней политикой и протоколом компании, готовый переписать их, если понадобится, лишь бы не расставаться с идеей забраться в трусы Айрленд Сент-Джеймс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.